

Главнейшие черты из жизни святого славного пророка Божия, взятые из Св. Писания и творений св. отцев Ф. Надежин

И воста Илия Пророк яко огонь, и слово его яко свеща горяше... Коль прославился еси, Илие, чудесы твоими; и кто подобен тебе похвалится... Вписан во обличения на времена, утолити гнев прежде ярости и обратити сердце отчее к сыну, и устроить колена Иаковля. Блажени видевшие тя, и любовию украшении... (Сир. 48: 1, 4, 10–11)

Сведения о жизни пророка Илии до грозного явления его пред Ахаава

В нечестивые времена Израильского царя Ахаава Илия явился образцом благочестия, столпом истины, поборником веры, учителем Израиля, славою добрых, страхом злых, грозой чтителей Ваала, великим пророком Бога истинного. «Это, по выражению¹ Златоустого витии, земный ангел, небесный человек, ходящий по земле и управляющий небесным, бедный и богатый, неученый и философ. С достоверностью можно полагать, что сам Бог вложил родителям пророка мысль дать ему имя Илия, в ознаменование будущей его силы. Примеров Божественного внушения к наречению имен людям, избранным в народе Божиим, много². По словам св. Исидора³, Илия так назван в предсказание будущего; потому что, когда он и жрецы Ваала приносилн жертвы и огонь нисшел с неба на жертву Илип, тогда народ воскликнул: *воистинну Господь Бог той есть Бог*⁴. И пророк оправдал это великое имя делом и истиной. Был человек, подобострастный всем, но его сила была сила Божественная; Бог его рукою совершил дела всемогущества, заключал и отверз небеса, воскресил мертвого.

О происхождении, звании и отечестве пророка Илии мало известно. Из Св. Писания⁵ видно только то, что он из страны Галаадской, страны гористой, богатой всякого рода растениями, ароматическими и целебными травами⁶, но обитаемой большей частью развращенными язычниками, идолопоклонниками и разбойниками⁷. А потому иудеи без большой нужды не поселялись среди Галаадских гор. Местом рождения пророка Писание называет местечко Фесви или Фесве. Напрасно некоторые⁸ смешивают его с городом Фивис, при осаде которого убит Авимелех, сын Гедеона⁹; город этот находился в колене Манассиином к северу от Сихема, а местечко Фесви было в колене Гадовом, за Иорданом, между Иабоком и Сароном¹⁰. Местечко неизвестное, бедное: но величие души, высокая добродетель не определяются местом; Промысл Божественный избирает в орудие славы своей людей не только сильных и

знатных, но и большей частью простых и неизвестных. Так воздвиг он и Илию, дабы просветить чад Сиона, исправить царей, сокрушить алтари и жрецов Ваала. И как премудро согласуется с действиями пророка само название места его рождения! Фесвитянин значит «пленяющий, обращающий»: действительно Илия, по слову сына Сирахова¹¹, обратил сердце отца к сынам и устроил колена Иаковлевы.

Кто были родители Пророка? Св. Писание не говорит об этом. Евреи¹² род Илии производят от Аарона: они говорят, что Илия был Финеес, сын Елеазара сына Ааронова. Бог определил, чтобы Финеес, в награду за свою ревность, жил до окончания мира; и сей то Финеес явился пред Ахаавом под именем Илии. Это мнение защищает Петр Дамиан¹³. Он, приводя слова Бога: *се аз даю ему (Финеесу) завет мой мирный, и будет ему и семеню его по нем завет жречества вечный*¹⁴, говорит: «Господь дал Финеесу мирный завет, состоявший в том, чтобы он, не подвергаясь болезням телесным, жил до конца мира в раю сладости. И он, то есть пророк Илия, вознесенный огненными конями на небо; имя, данное ему родителями, было Финеес». В доказательство такого мнения Дамиан приводит свидетельство Иеронима¹⁵ и слова из 1-й книги Парал. 9:19,20, где о возвратившихся из плена Вавилонского говорится: *Кореане над делами служения стрегуще стражбы скинии... Финеес же сын Елеазаров бысть вождь их пред Господем*. Такое мнение Дамиана очевидно неверно. Конечно, свидетельство Иеронима могло бы дать ему некоторую силу, но книга, на которую ссылается Дамиан, едва ли действительно написана Иеронимом; если же и им, то Иероним, конечно, по своему обыкновению, приводит только мнение евреев.

В словах, приведенных Дамианом из книги Паралипоменон, говорится о другом Финеесе; упоминаемый здесь был левит, а древний сын Елеазара священник; первый – потомок Корея, а последний – внук Аарона. Самый завет Бога не обещает Финеесу неразрушимости тела, а только священство, переходящее в его потомстве. Вероятнее то мнение, которое передают все писатели¹⁶ жизни Илии. Они называют отца

пророка Совах. Кто был Совах? Судя по тому, что Писание не называет пророка ни священником, ни левитом, можно бы подумать, что отец Илии происходил не из колена Левиина. Но жизнеописатели¹⁷ Илии производят его из рода священников. В самом деле, история, не говоря о происхождении пророка, поэтому не говорит и о его звании. А поскольку города священников были в разных коленах и поскольку во времена нечестия и идолопоклонства поклонников истинного Бога были притесняемы, то священники, конечно, стараясь поддерживать благочестие народа и при этом укрываясь от опасностей, могли поселяться в местах неизвестных, и следовательно могли быть в колене Гадовом, в горах Галаадских, где родился пророк.

Когда родился пророк Илия? По причине молчания истории год рождения пророка с точностью определить невозможно. Его легко бы можно было узнать, если бы известно было, в который год царствования Ахаава явился к нему Илия в первый раз и сколько лет пророк имел тогда от роду, но история и этого не показывает. А потому и по соображению можно только приблизительно означить время рождения пророка. Можно думать, что первое явление Илии пред Ахаава последовало в начале царствования сего царя; потому что история до этого времени не говорит о политических действиях Ахаава. Но думать, что Илия явился в первый год царствования Ахаава, значит допустить, что происшествия, описанные в конце 16-й главы 3-й книги Царств, случились в короткое время, а это, по их значительности, едва ли возможно.

После восшествия на престол Ахаав вступил в брак с дочерью иностранного царя; в угождение ей построил храмы почитаемому ею Ваалу, позволил сделать гонение на пророков Бога Израилева: для этого, без сомнения, требовалось довольно времени. Посему вероятнее мнение тех, кои полагают, что Илия явился к Ахааву в третий¹⁸ или четвертый¹⁹ год правления Иосафата, царя Иудейского, который взошел на престол в третий год царствования Ахаава; следовательно Илия явился в 6 или 7 год правления Ахаава. поскольку же период от разделения царства Соломонова до времени, когда Кир дал дозволение евреям возвратиться в Палестину, включает в себе

447 лет, период от конца плена до Р. Х. 536 лет²⁰, то, исключив из первого 17 лет царствования Ровоама, 3 Авии и 41 Асы, окажется, что Ахаав вступил на престол Израильский в 922 году до Р. Х., и следовательно Илия явился к нему в 916 или в 917 году до Р. Х. поскольку же пророки вступали в свое служение не прежде тридцатилетнего возраста, то время рождения Илии можно полагать около 946 года до Р. Х., поколику неизвестно, 30 лет или более имел от роду пророк, когда явился к Ахааву в качестве грозного судии.

Древнее предание, приводимое всеми писателями²¹ жизни Илии, говорит, что Совах при рождении сына видел чудное видение. Ему казалось, что светлые Ангелы беседовали с младенцем, вместо пелён повивали его огнем и питали его пламенем, как пищей. Совах, уstraшенный видением, отправился в Иерусалим спросить священников, что значит такое видение? Один из них, муж прозорливый, сказал ему: не бойся! знай, что дитя это будет исполнено светом благодати Господней; слово его будет подобно огню, сильно и действенно; ревность его по Боге и жизнь его будут благоугодны Господу; он будет судить Израиля словом и огнем.

Подобные видения при рождении людей Божиих у израильтян были, и Илия действительно был таков, каковым означило его видение. После такого видения родители Илии, без сомнения, приложили все старание, чтобы воспитать сына в страхе Божиим, в законе Господнем.

То же предание говорит, что Илия, как происшедший из священнического племени, был воспитан между священниками, от юности посвятил себя Богу, возлюбил девственную чистоту. Так утверждают Иероним²² и Златоуст²³; на то же указывает и Св. Ефрем, говоря монахам: «Девство есть отличная в монахе добродетель, возносящая его с Илиею на небо... Илия, покрыв милотию своею, возведет тебя (монаха) на небо»²⁴.

По словам предания, и Елисей, и другие ученики Илии были девственники, по примеру учителя своего. Таким образом, Илия был чист душою и телом; он любил заниматься богомыслием, уединяясь в пустынные места, и чрез то воспламенял душу свою огнем Божественным. Из того, что св. церковь²⁵ называет

Илию основанием пророков, что он, как их представитель, вместе с законодателем Моисеем являлся при преображения Иисуса Христа, равно как и из того, что он пред вознесением своим на небо обходил²⁶ училища сынов пророческих в Вефиле, Иерихоне и Галгалах, с вероятностью можно заключать, что Илия был если не основателем, то по крайней мере главою училищ.

Рассматривая действия пророка, легко можно видеть, что следующие качества составляли отличительные его свойства:

1. Чистота, строгость и святость жизни. «Илия, говорит св. Исидор²⁷, великий священник и пророк, пустынножитель, исполненный веры и благочестия, сильный в труде, неутомимый в занятии, строгий в исполнении обязанностей».

2. Любовь к уединению и созерцанию. Удалившись на Кармил, он занимался молитвой и богомыслием.

3. Свобода в слове и обличении. Так, он не убоился со всей строгостью обличать Ахаава и Иезавеля.

4. Непобедимая ревность и сила, побудившие его бороться с Ахаавом и жрецами Ваала; почему он сам говорит о себе: *Ревнуя поревновах по Господе Боже Вседержителе*²⁸.

Таким образом, могла ли пламенная душа Илии терпеть беззакония Израиля? Мог ли Илия хладнокровно, даже с одной душевной скорбью, не обнаруживая ее действиями, смотреть на нечестие, разлившееся по земле Божией? Нельзя не ожидать от него сильного нападения.

Первое явление Илии пред Ахаава

По смерти Соломона народ еврейский потерял свое благосостояние. Самая большая часть его отделилась и избрала особого государя. За этим политическим разделением последовало и разделение народа духовное; большая часть отпала от истинной веры, от истинного Бога. Первый царь нового царства, назвавшегося Израильским, Иеровоам, начал свое правление учреждением нового богослужения. Опасаясь, чтобы народ, приверженный к храму Иерусалимскому, посещая его, не перешел впоследствии под власть царя Иудейского, Иеровоам слил два золотых тельца, приказал народу поклоняться и приносить жертвы этим истуканам, установил праздники, избрал жрецов не из одних левитов, а из всех колен. Последующие за Иеровоамом цари с ревностью продолжали начатое им, и богопротивное служение идолам сделалось почти всеобщим, когда на престол Израильский вступил Ахаав – малодушный, бесхарактерный раб своей кровожадной жены Иезавели. По желанию этой язычницы служение Ваалу из Сидона перенесено в Самарию, а поклонники и пророки Бога Израилева были преследуемы. Мрак идолопоклонства покрыл большую часть земли обетованной; возникли нечестивые капища, языческие алтари, освятились дубравы, холмы, леса, долины осквернились языческими обрядами; неправосудие восседало на престоле, злочестивая воля служила законом; кровь пророков и чад Божиих полилась. Вот время, в которое является Илия! Вот обстоятельства, при которых является человек Божий! Царство Ахаава и Иезавели есть та страна, в которую вступает он с именем Бога истинного; царь, превзошедший своими злодеяниями и нечестием своих предшественников, царица, жаждущая крови поклонников истинного Бога, множество служителей лжи, народ, отпавший от веры отцов – вот то поле, которое должен возделать пророк! И, как молния, ниспадшая из облаков, как всепожирающий огонь, Илия вступает на это поприще. Среди всеобщего нечестия он – ревностный служитель Бога Израилева. Он приходит к самому

источнику нечестия, к самому царю и, как громом, поражает его. *Жив Господь Бог сил, Бог Израилев, Ему же предстою пред Ним, аще будет в лета сия роса и дождь, точию от уст словесе моего*²⁹.

Так пророк едва предстает пред царя, как уже клятвенно подтверждает, что за нечестие последует возвещаемое им наказание. Поклонники Ваала думали, что идол этот посылает им дождь и росу, жатву и земные блага. Пророк, в опровержение их заблуждения, клянется Богом Израилевым, в руке Которого небо и земля, Которому покорны все стихии. Но богопротивники могли не поверить пророку, могли спрашивать его: почему он возвещает наказание именем Бога? Предотвращая этот вопрос, пророк показывает как бы причину своей клятвы и уверенности в исполнении предсказываемого, указывает на то отношение, в каком он находится к Богу. *Жив Господь Бог сил, Бог Израилев, Ему же предстою пред Ним*. Предстоять Господу сил может только тот, кто во всем верен Ему, кто всецело предан Ему, кто прав и чист пред Ним. Напротив, всякий, дерзающий возносить главу свою, держаться и утверждаться собственной силою, низвергается от Него. Впрочем, *стоять пред Господом* не только означает вообще быть рабом Божиим, но имеет и особенное значение, именно – особенное отношение к Богу. Стоять пред Господом – значит более всего желать того, чтобы знать волю божественную, чтобы каждую минуту делать только то, что Ему угодно и что служит к Его славе. Кто стоит на страже на таком месте, где должен замечать волю своего государя, тот, конечно, устремляет все свое внимание на то, чтобы верно понимать и исполнять его повеления, по его мановению спешить туда, куда он покажет. Так и пред Господом стоит тот, кто всегда может говорить с псалмопевцем, зревшим всегда пред собою Господа: *скажи мне, Господи путь, в оньже пойду*³⁰. Так стоял пред Господом Илия. Быть орудием воли Божественной, прославлять имя Его – было пламенное желание Илии; его жизнь была постоянным слышанием гласа Божия; он искал Его в громе и вихре, и в дыхании хлада тонка; он повиновался Ему во всех случаях своей жизни; он всегда готов был сказать: *глаголи, Господи, яко слышит раб Твой*³¹.

Сей то строгий исполнитель воли Божественной говорит: *аще будет в лета сия роса и дождь, точию от уст словесе моего*. Так сильна ревность Илии! Он как бы не надеется, что Бог исполнит столь великое наказание; зная милосердие Божие, всегда и везде, так сказать, преследующее человека, Илия восхотел как бы предоставить продолжение и окончание наказания себе³². После такого решительного приговора, после столь твердых оснований кто бы не поверил словам пророка? Но не так думает нечестивый: он не смотрит вперед, а видит только окружающее его; будущее как бы для него не существует; он заботится и наслаждается только настоящим. Может быть, никто не поверил словам пророка, как и во дни Ноевы; может быть, нечестивый царь смеялся над угрозой. Цветущие луга, богатые поля, полные источники, конечно, опровергали слова пророка, а множество источников, орошающих землю, горы, привлекающие к себе влажные облака, также уверяли в противном. Как же Илия мог возвещать голод? Исполненный святой ревности по славе Божией, без сомнения, не по своей воле возвещал наказание; без сомнения, он просил Того, Который из несущего производит сущее и из обилия скудость; без сомнения, *молитвою помолися, да не будет дождь*³³, и получил повеление Божие, а потому был совершенно уверен, что слова его исполнятся. И как сильно слово пророческое! Слово человеческое, но действие Божественное; говорит человек на земле, и его слову повинуются небеса. Слово его подвигло всю природу, произнесенное на земле отозвалось в воздухе и на небе, стихии повинуются человеку для славы Создателя. Едва вышло слово пророка, говорит Златоуст³⁴, как тотчас изменяется воздух, небо делается медным. Слово проникло во внутренность земли и от его следов все иссохло, все обратилось в пустыню, зелень поблекла, деревья, прежде плодоносные, сделались бесплодными. Источники иссякают, воздух пылает, благорастворенность исчезает, тишина служит наказанием, ночь разгорячается от дня, посеянное иссыхает, сады увядают... вся природа возвещает гнев Божий³⁵. Об этой засухе свидетельствует и языческий историк³⁶, только он уменьшает

время продолжения ее, говорит, что голод был только один год; но этот писатель, говоря о чудесах в народе иудейском, всегда старается дать им вид естественный. Для нас есть непререкаемые свидетели, которые ясно говорят, что голод продолжался три года и шесть месяцев, – это Богочеловек и Его Апостол³⁷.

Смотря на такое грозное явление пророка Божия, естественно спросить: в первый ли раз он явился пред Ахаава или обличал его и прежде? Судя по той ревности, какой пламенел Илия к славе Божией, и по тому нечестию, какое разлилось в народе израильском, можно думать, что пророк и в первый раз явился грозным судиею, карателем нечестия; с другой стороны, та же ревность пророка, конечно, не позволяла ему и прежде оставаться холодным зрителем нечестия, заставляла его обличать нечестивых, показывать им истинный путь. Сам правосудный Бог долготерпит, употребляет все средства, дабы обратить грешников к покаянию. Посему с достоверностью можно полагать, что пророк и прежде обличал народ, и когда его не слушали, тогда он уже от слов перешел к наказанию.

Что же будет с самим пророком? Неужели и он должен погибнуть с нечестивыми?

Илия при Хорафе

Небо заключилось, зной солнечный разлился повсюду, все увяло, все иссохло: настал голод. Илия вместе с грешниками переносит страшное наказание, которое сам испросил; он вместе с идолопоклонниками подвергается опасности умереть от голода; он должен стенать и плакать, как и другие. Но, подверженный тому же бедствию, он должен еще сносить поругания, проклятия и гонения разъяренного народа, он должен непрестанно опасаться ярости неистовой толпы. В таких обстоятельствах что ему оставалось утешением? Ничего, кроме веры. С другой стороны, среди всеобщего бедствия и собственных опасностей сердце Илии не могло быть не чувствительным; при виде несчастных жертв он не мог не ощущать сострадания и скорби. Можно представить, в каком затруднительном положении находился пророк. Облегчением для него могла служить одна вера, одно сознание, что он сделал это во имя Бога. Но Илия недолго оставался один со своим угнетенным сердцем. Правый пред Господом не остается без Его помощи; сам Господь посещает его. *И бысть глагол Господень ко Илии*³⁸. Всегда вожделенно посещение Божественное, но гораздо вожделеннее оно при выполнении воли Божией. При исполнении святейшей воли Правосудного слабому человеку нельзя не опасаться неточности исполнения, нельзя не думать с грустью, верно ли постигнуты, вполне ли и совершенно ли исполнены повеления Божии? Такое сомнение мучительно для души ревностной. Какая же радость должна объять человека, когда Господь сам ударяет в двери сердца, когда человек слышит глас Его, когда сам Бог дает разуместь, что воля Его исполнена. Так, когда Бог или внутренним свидетельством нашей совести, или видимою внешней помощью показывает, что Ему угодны дела наши; тогда небесный мир и радость вселяются в нас. *И бысть глагол Господень ко Илии*. Нет сомнения, что Илия в святом восторге слушал глас сей, тем более что Господь посетил его неожиданно, что Он предупредил даже молитвы и прошения.

Илия не приступал еще к Богу с молитвой о помощи, а Господь уже является ему, и не для того только, чтобы своим посещением утешить его, но и для того, чтобы избавить его от опасностей. *Иди отсюда на восток*, говорит Господь, *и скрыйся в потоце Хорафа прямо лицу Иорданову. И будеши пити от потока воду, и враном заповедах препитати ты тамо*³⁹. Какое чудное повеление! По-видимому, Господь не помогает пророку, но из одной опасности ввергает в другую. Тот, Которому повинуются ветры и море, Который отцам пророка ниспосылал в пустыне манну и из камня изводил воду, повелевает пророку для спасения от голода предпринять путешествие по земле, подверженной наказанию, среди народа, раздраженного бедствием и злобствующего на пророка как на виновника бедствия. Такое путешествие не могло быть безопасным. Илия знал, что и восток земли Иудейской разделяет наказание западной ее части – Самарии. Поток Хорафа, конечно, находился в пустыне, между горами, в диком лесу; в этом неизвестном месте пророк будет безопасен от преследования Ахаава и народа; но дикие звери могут растерзать его; источник, конечно, сокрыт от палящего зноя солнечного и не мог скоро иссохнуть, но можно ли надеяться на хищных птиц? И принимать пищу от нечистых животных строгому исполнителю закона Моисеева не могло показаться приятным. Но как бы слабая природа не противоречила, как бы не роптал ветхий человек, они не могли поколебать пророка; при избавлении чудесном осталось бы малое поприще для его веры; путешествие должно было показать ему общность наказания, исполнение пророчества. «Мне повелевает Бог, так мог думать Илия, это заповедь Божественная, следовательно она свята, права и блага. Если Он повелевает мне идти отсюда, то Он же поможет мне и на пути. Он повелевает идти к потоку Хорафа, значит это место должно быть моим безопасным убежищем, будет ли оно в пустыне, или в столице Самарийской. Он говорит, что я буду пить из этого потока. Его слово верно, поток не иссохнет. Но божественные обетования вместе и Его повеления, исполнения коих Он непременно требует, и я должен исполнить». Так мог говорить Илия с самим собою, в

сердце своем, и слово Божие сделалось для него руководителем на пути, оно поддерживало тело его от усталости, оно одушевляло его мужеством при виде опасности, оно возвышало его дух.

Теперь обратим взор на новое жилище пророка, в которое он прибыл по глаголу Божию. Недалеко от Иордана лежит дикая пустыня; безмолвие, царствующее в ней, нарушается только криком пустынных птиц; между кустарниками по зелени извивается светлый источник. Все здесь уединенно, все пусто, голые утесы возвышаются из темного леса, тесная тропинка ведет к пещере, окруженной частым кустарником, подле которой журчит источник. Здесь-то поселился человек Божий, небо служит его покровом, голые утесы вместо стен, камни вместо пола, зелень и листья его ложе. В этой-то дикой пустыне Илия проводит время. Он не имеет собеседников, но природа могла заменить их; она могла доставить обильную материю для размышления, она могла порождать в пророке высокие и спасительные мысли и возбуждать его к молитве, беседе с Тем, Который видит все сокровенное, владычество Коего на всяком месте. От мира внешнего пророк, без сомнения, обращался к себе самому, углублялся в себя, взирал на судьбы своих единоплеменников, и ему должны были представиться еще сильнейшие поводы к молитве. Таким образом уединение вело Илию к беседе с Богом.

Недавно пророк был там, где земля сделалась степью; только в одном необитаемом месте оставалась прохлада и зелень, и это место сделалось жилищем его. Источники иссохли; один источник остался холодным и полным, и его воды утоляют жажду пророка. Хищная, ненасытная птица, нечистая по закону, бесчувственная к своим птенцам, оставляющая их умирать с голоду, как бы изменяет свое свойство, свою природу, исполняет дело бескорыстной любви; презирая свою алчность, служит человеку⁴⁰; настает утро, и пророк находит подле себя пищу для дня, доставленную вранами; наступает вечер, они же приносят ему хлеб и мясо. Так было во все время пребывания Илии при Хорафе.

Здесь невольно рождается вопрос: почему Бог повелел вранам, а не другим птицам питать пророка? Ежели в делах Промысла можно видеть и причины естественные, поколику все может служить Его орудием, то причина может быть та, что враны по своему сухому и в высшей степени горячему темпераменту любят места пустынные, особенно при потоках. Почему и у Соломона они называются *вранове от дебрива*⁴¹.

В истории есть и еще пример служения вранов человеку. Так они ежедневно приносили хлеб св. Павлу Фивейскому, первому христианскому пустынножителю. Когда пришел к нему св. Антоний, то Павел сказал: «Господь Бог послал нам пищу. Шестидесять лет каждодневно я получал полхлеба, а ныне для твоего прихода получил целый»⁴². Но св. отцы с свойственной им прозорливостью видели в повелении Господа и другую причину. Один⁴³ писатель в хлебе Илии видит тело Христово, а в вранах – иудеев, терзающих его. Августин⁴⁴ под видом вранов понимает язычников, сделавшихся участниками царства Христова. Другой писатель говорит⁴⁵: «Вранам повелено питать пророка для того, чтобы они загладили вину, сделанную во время потопа, чтобы, будучи верными Илии, очистили неверность Ною. Кроме того, этим показывается, что животные всегда должны служить человеку. Откуда враны брали мясо и хлеб? Может быть, они похищали у людей, которые заготавливали его». Св. Златоуст представляет следующую причину: «Поелику, говорит он, Илия возненавидел иудеев, как сынов непотребных; то Бог, не выражая словами, говорит ему об этом посредством чадоненавистников как бы так: не имей такой ненависти к детям – иудеям, какую имеют враны к своим птенцам. Смотри теперь на переменявшихся вранов; смотри, Илия, на их человеколюбие; те, кои не имеют любви к собственным птенцам, тебе служат, как гостеприимцы. Подражай перемене вранов, и будь снисходителен к иудеям; Я соглашаюсь и на твое мнение, и милосердствую о наказанных»⁴⁶.

Сколько времени Илия жил при Хорафе? Писание говорит: *И бысть по днех*⁴⁷. Можно бы подумать, что пророк был очень недолго в пустыне, но в Св. Писании это выражение очень неопределенно. Так, в Книге Бытия, гл. 4, ст. 3, встречается то

же выражение. Здесь повествуется о рождении Каина и Авеля, и вдруг Св. Писатель говорит о их жертвоприношении и свое повествование начинает выражением: *и бысть по днех*. Очевидно, Каин и Авель приносили жертвы не вскоре после рождения, но спустя несколько лет, когда уже занимались своими делами. Следовательно, выражение это означает не короткое, а продолжительное время. Так должно разуметь его и в истории Илии, именно должно разуметь около года. Потому что Иисус Христос и ап. Иаков говорят, что не было дождя три года и шесть месяцев; а из истории⁴⁸ пророка видно, что Бог послал его во второй раз к Ахааву из Сарепты в третий год.

Почему должно несомненно положить, что в этом месте Книги Царств означается время – два года, – которое провел Илия в Сарепте, и значит первый год он прожил среди народа и при Хорафе.

Илия в Сарепте

И бысть по днех, и исше источник, яко не бе дождя на землю⁴⁹. Новое затруднение, новое испытание веры пророка! Источник, который утолял его жажду, иссыхает, и иссыхает от того, что не сходит дождь на землю. Легко представить положение пророка. Это лишение, конечно, сопровождалось беспокойством Илии, человека, подобострастного нам. Но он веровал – и одержал победу над трудностями. Он надеялся, что Тот, Который сохранял его от голода посредством жадных птиц, сохранит его и в настоящих обстоятельствах: и Тот, на Которого он полагал всю свою надежду, не оставил его в крайности, Он вскоре явился ему. Но как явился? Совсем не так, как бы мог ожидать Илия; явился с повелением, которое могло быть приятно только человеку с твердою верою, но никогда человеку плотскому. *И бысть глагол Господень ко Илии глаголя: востани, и иди в Сарепту Сидонскую, и пребуди тамо: се бо заповедах тамо жене вдовице препитати тя⁵⁰*. Сколько бы противоречий такому повелению нашел человек плотский! Пророк должен идти в Сарепту, в землю Финикийскую, следовательно он должен совершить путешествие, сколько длинное, столько же и трудное, должен проходить и между скалами, и по пустынным пескам при всеобщем опустошении, палимый жаром солнечным; должен идти в Сарепту, городок, который находился на берегу моря между Тиром и Сидоном⁵¹, следовательно, должен идти из земли Израильской, из своего отечества, в землю язычников и идолопоклонников, в землю, из которой взята Иезавель – непримиримая ненавистница пророка, в царство отца ее, жестокого тирана, который по связи с Ахаавом, конечно, не опустит случая погубить пророка. Он должен идти к вдовице, следовательно, его должна содержать женщина, не имеющая мужа, который бы заботился о содержании семейства, женщина бедная, и притом язычница, против богов коей Илия так страшно вооружился. Таким образом, Илия должен был идти в Сарепту, истинную плавильню⁵², где плоть должна распяться,

человек должен постигнуть свое бедствие и свою немощь. Но пути, коими ведет Господь сынов своих, подобны огню, являющемуся после ночи, начинающемуся в глубоком сумраке, который скоро разгоняется утренней зарей, восходящим солнцем. Так и путешествие Илии, казавшееся трудным и горестным, окончилось радостно. Св. Златоуст цель повеления Божественного усматривает в том, чтобы Илия, проходя наказанные области, уверился в бедствии народа, которое он испросил от Господа, и сам разделил его с народом⁵³. Вместе с этим Господь хотел указать иудеям на то будущее, которое случилось уже с Иисусом Христом, и Его приняли не свои, не иудеи, но язычники⁵⁴. Пророк расстался со скалами, кои скрывали его от преследования Ахаава и зноя солнечного, и пошел в землю Финикийскую. Этот путь, конечно, не был путем сладости, но путем самоотвержения.

Наконец Илия достигает своей цели: его взорам представляется Сарепта с своими дымными заводами. Он приближается к городу и замечает женщину, собирающую дрова. В нем тотчас могла родиться мысль: не это ли вдовица, к которой он послан?

Не эта ли женщина должна принять его – женщина, которая, вероятно, сама находится в бедности? Но если это та, которой Господь повелел питать его, то она, конечно, примет и пропитает его. Для Того, Который питал его в пустыне посредством птиц, может ли быть что-нибудь невозможное? Илия верует, что Господь легко может сделать, чтобы бедная женщина пропитала его во время голода, подходит к ней и говорит: *принеси ныне ми мало воды в сосуде, и испию*. «Познай, замечает на это Златоуст, мудрость Илии: он не просит того, что дорого, но сперва просит того, что дешевле. Он не сказал, дай мне хлеба, но дай мне воды⁵⁵». Женщина не отказывает пророку: несмотря на то, что он незнакомый чужестранец, что сама занята делом, она оставляет свое занятие и спешит принести ему воды. Такая услужливость язычницы долженствовала уверить пророка, что это та самая вдовица, о которой сказал ему Господь. В этой уверенности он уже не боится просить от нее большего, он говорит ей: *Приими*

мне и укрух хлеба в руке своей, да ям. Это требование раскрыло все раны сердца бедной женщины, напомнило ей о ее бедственном положении. Сердце ее стеснилось, и она не могла удержаться от жалоб; она открывает крайность свою чужестранцу. Жив Господь Бог твой, говорит она, еще есть у меня опреснок, но токмо горсть муки в водоносе, и мало елеа в чванце: и се аз соберу два полнца, и вниду, и сотворю е себе и детям моим, и снемые, и умрем. Какую бедность, какое страдание выражают слова вдовицы! Женщина не имеет ничего, кроме горсти муки и нескольких капель масла; этим хочет она подкрепить себя и своих детей на несколько часов – и после умереть с голоду. Можно ли без глубокого сострадания выслушать такие слова? Но Илия из них еще более убеждается, что это та самая вдовица, к которой послал его Господь: потому что она говорит только о себе и о своих детях, но не упоминает о муже. Кроме того, она говорит: Жив Господь Бог твой. Какие слова исходят из уст язычницы! Откуда она знает Господа, и кто сказал ей, что Илия раб Господа? Значит, она тайная почитательница Бога истинного, душа обратившаяся, к которой было слово Господне. Какая радостная встреча! Теперь Илия понимает, почему она так скорá была на исполнение первой его просьбы, теперь он не сомневается, что она должна питать его, несмотря на свою крайность, и он говорит ей: дерзай, вниди и сотвори по глаголу твоему, но сотвори ми оттуду опреснок мал прежде, и принеси ми, себе же и чадом своим да сотвориши послежде. Неужели же горсти муки и малого количества масла достаточно для троих или более? Как должна была поступить в этом случае вдовица? Но Илия надеялся на Того, Который питал в пустыне целый народ Израильский; он уже веровал, что и малого запаса женщины достаточно будет для них. Тако глаголет Господь Бог Израилев: водонос муки не оскудеет, и чванец елеа не умалится до дне, дбндеже даст Господь дождь на землю. Женщина уверовала во всемогущество Бога Израилева, пошла и сделала то, что говорил Илия. После она приготавлила из своего скудного запаса пищу для всего семейства, и запас не уменьшался.

Таким образом, человек Божий поселяется в хижине вдовицы, семейство ее познает дары сколько чувственные, столько же или еще более духовные. Пророк истинного Бога, конечно, не опустил случая проповедать Его, обратиться к Нему заблуждающихся, а семейство, пораженное чудом неумаляющегося скудного запаса, не могло не внимать с отверстым сердцем проповеди пророка, и в бедной хижине мирно протекало время бедствия народного. Но постоянно счастливая жизнь между людьми слишком редка, в ней радости скоро сменяются горестью и за весельем всегда почти следует печаль. То самое случилось и с семейством, осчастливленным Илиею. Во время спокойствия, при чудных опытах божественной любви, вдруг несчастье вторглось в благоденствовавшую хижину. Один из детей вдовицы, кои, конечно, после чудесного спасения от голодной смерти сделались для нее еще драгоценнее, нечаянно делается болен, его положение час от часу становится хуже, болезнь более сильною, опасною. Бедная мать проливает слезы, но слезы не помогают, и спустя несколько дней счастливая хижина обращается в дом плача и сетования; сын вдовицы лежит на руках матери холодный, бездыханный. Но чудны советы Божии! В этом посещении Божиим нетрудно уразуметь намерение Божественное. Вдовица была женщина богобоязливая, но, кажется, также, как порфиропродательница Лидия и Корнилий сотник. Она знала живого Бога, но ее знание было еще односторонне и поверхностно. Она находилась в общении с Богом, но это общение не имело еще твердого основания. Она служила Господу, но служила так, как Иисусу Христу служила Марфа. Она знала Бога по Его любви, но не знала еще по благодати; и чувствования радости и удивления, кои рождались в ней при видимом благословении, были более естественные, нежели духовные; она находилась на пути к истинному самопознанию, но ее взор останавливался еще на настоящем ее положении; а потому она при берегу могла потерпеть кораблекрушение. Посему Господь восхотел положить твердое основание веры вдовицы. Несчастливая мать, видя свою потерю, говорит Илие: *что мне и тебе, человеце Божий; вошел еси ко мне*

*воспомянути неправды моя и уморити сына моего. Слова безрассудные, но слова сердца, слова сильной горести. «Зачем ты пришел ко мне, хочет она сказать? Ты человек благочестивый, а потому я и мой дом недостойны того, чтобы принять тебя. Верно, Бог наказал нас за нашу дерзость. Ты, Илия, сделал это. Без тебя Бог не посетил бы грешной женщины; твое пребывание обратило Его к нам. Он потому приблизился к нам, что ты пришел сюда; потому что Он всегда с тобою». Так бедная мать жаловалась на пророка и на грехи свои, держа на руках холодный труп сына. Пророк, конечно, сострадал и постиг цель посещения Божия. *Даждь ми сына твоего*, говорит он вдовице. Решительный и твердый тон пророка должен был произвести сильное впечатление на сетующую. Несчастный всегда склонен к надежде; тем более долженствовал просиять этот луч в сердце вдовицы. Илия берет умершего, вносит его в ту горницу, которую сам занимал, полагает его на свой одр, преклоняет колена и произносит молитву ко Господу, и какую молитву? Если бы мы слышали ее не из уст пророка, то едва ли бы почли молитвою. *Увы мне, Господи*, говорит он, *свидетелю вдовы, у нея же аз ныне пребываю, ти озлобил еси еже уморити сына ея*. Можно ли так обращаться к Богу живому? Можно ли с такой жалобой приходить к престолу Его? Но Илия имеет дерзновение; таков его дух. Он от сердца чистого говорит Господу: «Господи! неужели ты восхотел умертвить отрока? Нет! ты посредством несчастья хочешь привести мать к покаянию. Эта женщина сделалась для меня благодетельницей: ужели такая ей от меня благодарность? Вознагради ее за меня. Имя твое свято, и слава твоя бесконечна: сотвори то, чего я прошу». Сказав это, Илия трижды повергся на умершего, и отрок ожил. Илия берет его, выводит из своей горницы и отдает вдовице, говоря кратко и сильно: *виждь, жив есть сын твой*. Можно представить себе, что почувствовала мать, какая радость объяла ее сердце. Но она как бы не видит сына, как бы не думает о нем, но обращает все свое внимание на действие, обращается к тому, который воскресил умершего: *се уразумех*, говорит она, *яко человек Божий еси ты, и глагол Господень во устех твоих истинен*.*

Спрашивают, почему Илия повергался на отрока? Некоторые⁵⁶ отвечают: причина этого была физическая; Илия хотел охладевшее тело отрока согреть посредством своего и таким образом приготовить тело к оживлению. Но в таком действии, каково воскресение мертвых, причины физические не имеют места и силы. Лучше думать, что Илия хотел выразить тем любовь свою к отроку, а потому, простершись на нем, молился ко Господу о возвращении души умершего, и когда молитва его не исполнилась, тогда он снова с пламенной молитвой распростерся над ним; когда же и это осталось тщетным, тогда он повергается в третий раз, усугубляя свое прошение; для такого великого дела надлежало молиться сильно, пламенно. Блаженный Августин⁵⁷ в тоекратном повержении видит молитву, воссылаемую Всесвятой Троице.

Евреи, а за ними Дорофей⁵⁸, Епифаний⁵⁹ и Исидор⁶⁰, говорят, что сын вдовицы, воскрешенный Илией, есть пророк Иона. Но Иона, живший во времена Иеровоама II, царя Израильского, в царствование Озии или Азарии в Иудее, как видно из 4Цар. 14:25, был родом из Гефа⁶¹, следовательно, не из Сарепты, а из страны Завулонской.

Второе явление Илии пред Ахаава

Два года и несколько месяцев жил Илия в Сарепте. Нет причины думать, чтобы это время было для него временем горести; здесь для него Всемогущий совершил великие чудеса: ничтожный запас вдовицы не уменьшался; умерший сын ее воскрешен. Разве мысль о бедствии и грехах соотечественников тревожила Илию. По прошествии двух лет и нескольких месяцев Господь сказал пророку: *иди и явися Ахааву*⁶². По-видимому, это повеление значило: оставь тихое пристанище и предайся ярости воли. Пророк должен идти к разгневанному царю и раздраженной царице; должен идти к человеку, ярость коего воспламенялась в продолжении трех лет с половиною. Ахаав употреблял все силы, чтобы отыскать пророка, и все его усилия остались тщетными. Какая досада для царя, какой позор для его силы! Илия мог предвидеть ужасное мщение Ахаава, и между тем ему решительно сказано: *иди и явися Ахааву*. Но Бог не повелевает человеку того, что выше сил его; если же повелевает, то дает вместе и силы исполнить повеление. Так, посылая и Илию, он говорит: *дам дождь на лице земли*. Это обещание могло утешить Илию: он должен был явиться вестником радости, принести с собою благословение Божие. Может быть, враги его при вести о прекращении голода почувствуют любовь к нему, унылые лица прояснятся радостью, отпадшие обратятся ко Господу. Такие мысли могли рассеять то беспокойство, какое могло произойти в нем при мысли идти к врагу.

Заметим здесь одно обстоятельство. *Иди*, говорит Бог Илии, *и явися Ахааву, и дам дождь на лице земли*. Чтобы отверсть небо, Бог как бы нуждается в пророке! Но Бог прежде дал силу пророку заключить небо, а потому власть отверсть его передает, так сказать, из Своих рук в его. Илия прежде клялся именем Бога, что не иначе пойдет дождь, как по его слову, посему он именно должен был произвести и то, чтобы пошел дождь. Бог истинен и не изменяется. Кроме того, ниспослание дождя по слову Илии весьма много могло способствовать возвышению

чад Божиих и славе Всемогущего их Отца. Если бы небо отверзлось без посредства Илии, то всякий бы сказал, что Илия говорил неправду, что он пророк ложный, и, следовательно, Бог его, Которого он проповедует, не есть Бог истинный, потому что жрецы Ваала не умедлили бы приписать это Божие благословение Ваалу. Посему, чтобы достигнуть цели наказания Израиля, предать Ваала поношению, нужно было, чтобы пророк Иеговы словом своим прекратил засуху. Посему-то Бог послал пророка своего, и пророк, несмотря на видимую опасность сделаться жертвой народной ярости, идет к Ахааву.

Между тем, следствия голода сделались ощутительны и для самого царя, и у него оказался недостаток в запасах. Однажды он вышел из столицы поискать травы для прокормления своего скота. При этом случае упоминается в истории об Авдие, человеке знаменитом по своему званию и еще более по тому, что говорит о нем Писание: *Авдий бе бояся Господа зело*⁶³. Как в Сарепте среди язычников нашлась богобоязливая женщина, так при нечестивом дворе Ахаава является Авдий. Он имел в сердце своем страх Божий в такое время, когда познание Бога истинного было почти потеряно, в таком месте, откуда страх Божий был совершенно изгнан. Со страхом Божиим Авдий соединял любовь к почитателям Бога истинного; когда Иезавель преследовала и убивала пророков Господа, Авдий скрыл от ее лютости сто человек из них и пропитывал их. Этот-то человек был в милости у Ахаава. Вероятно, в каждую минуту он находился в опасности подпасть гневу тирана. Что он был чтитель Иеговы, это, конечно, не могло укрыться ни от царя, ни от его жены, тем более от двора. Но, без сомнения, его верность власти уменьшала ненависть к нему поклонников Ваала и даже снискала ему уважение. Может быть, Ахаав видел, что не может иметь другого Авдия. *Гряди, говорит Ахаав Авдию, и прейдем на землю, и на источники водные, и на вся потоки, да негли како обрящем былие, и прекормим кони и мски, да не изгибнут от скот.* Жалкий человек! Забота о скотах – вот что произвело в душе его трехлетнее наказание. Авдий повинуется своему повелителю, его должность предписывает ему повиновение повелениям власти. Нет

сомнения, что скорбь о нечестии всегда тяготила его сердце, но он помнил, что Бог поставил его на том месте, а потому верно служил царю, хотя и нечестивому. Напрасно некоторые⁶⁴ смешивают Авдия с пророком того же имени, пророчества коего мы имеем. Мнение это основывается на одном предании евреев. Вероятнее то, что пророк Авдий жил во времена Иоафана, Ахаза и Езекии, царей Иудейских⁶⁵, потому что он был современником Исаяи в Амоса⁶⁶.

Ахаав и Авдий отправляются в разные стороны. Нет сомнения, что опустошение, которое Авдий встречал повсюду, сильно терзало его, но всего более должно было действовать на его сердце то, что народ как бы не хотел чувствовать наказание и по своему легкомыслию и беспечности заботился только о жизни тела, забывая жизнь души. Подданные походили на своего повелителя. Как должен был сокрушаться человек богобоязливый! Погруженный в горестные мысли Авдий замечает, что навстречу ему идет человек величественного вида, с лицом, выражающим ревность, жесткая одежда покрывает его. Авдий останавливается, узнает в путешественнике человека Божия, узнает Илию и повергается пред ним. Более трех лет не слышно было об Илие, может быть, думали, что он умер, и вот неожиданно он является. Авдий как бы не верит глазам своим и обращается с вопросом: *Ты ли еси сам, Господи мой Илие?* Пророк, как и всегда, кратко отвечает: *аз есмь: иди и повеждь господину твоему, глаголя: се Илия.* Эти слова показались Авдию смертным приговором; ему представилось, что его посылают на верную смерть. Страх овладел Авдием, и он отвечает пророку: *что согреших аз, яко предаеши раба твоего в руце Ахаавли еже умертвити мя... Ныне ты глаголеши ми: иди, возвести господину твоему: се Илия. И будет егда аз отъиду от тебе, и Дух Господень возьмет тя в землю, ея же не вем, и вниду возвестити Ахааву, и не обрящет тебе, и убьет мя.* Очевидно, так говорит робость, человеческое малодушие. Но было чего и бояться. Авдий знал, что, когда он известит Ахаава об Илие, свирепый тиран, так искавший пророка, употребит все средства, чтобы взять ненавистного ему Илию: но Бог, конечно, не предаст в

руки врага раба своего, сокроет его. Что же будет, когда Ахаав не найдет Илии? Тогда верно он всю месть свою изольет на Авдия, он обвинит его за то, что не схватил тотчас Илию, заключит, что Авдий, вопреки приказаниям царя, потворствует Илие и присоветовал ему скрыться, а потому лишит его самого жизни. Такие мысли побудили Авдия умолять пророка, выставляя пред ним свои добродетели. *Раб твой есть бояйся Господа от юности своея. Или не возвестися тебе господину моему, яже сотворих, егда убиваше Иезавель пророки Господни, и сокрых пророки Господни сто мужей, по пятидесяти в вертепе, и кормих их хлебом и водою?* Так страх поразил Авдия; Илия ободряет его: *Жив Господь сил, Ему же предстою пред Ним, яко днесь покажуся ему.* Авдий пошел, отыскал своего государя и сказал ему, что нашел Илию.

Это известие было искрою, брошенною в порох: нельзя не ожидать страшного взрыва ярости. В самом деле, едва Авдий сказал, как Ахаав, подобно лютomu зверю, устремился к своей добыче. Илия видит неистового врага, но стоит твердо. Ахаав приближается к нему и в неистовстве начинает упрекать пророка; но ослепленный предлагает такой вопрос, которого укоризна падает всею тяжестью на него самого. Царь с упреком спрашивает: *ты ли еси развращаяй Израиля?* Пророк, несмотря на то что стоит пред своим повелителем и врагом, что по одному мановению его может лишиться жизни, твердо держится истины. *Не развращаю аз Израиля, но разве ты и дом отца твоего, егда остависте вы Господа Бога вашего и идосте во след Ваала,* – отвечает человек Божий; он без страха и боязни обличает сильного, хотевшего обвинить его, и раздраженный царь утихает. Сказав это, пророк готовится к тому великому действию, подобного которому нег в истории. Иегова восхотел чрезвычайным делом показать, что нет Бога, кроме Его.

И ныне, говорит пророк царю, послы, и собери ко мне всего Израиля на гору Кармилскую, и пророки студныя Вааловы четыреста и пятьдесят, и пророков дубравных четыреста, ядущих трапезу Иезавелину. Ахаав повинуетя, посылает созвать сынов Израилевых на гору. Какая перемена! Раб

делается повелителем, а царь рабом, подданный приказывает, и повелитель исполняет приказание. Вот невидимый скипетр в руках чад Божиих, чудная сила, которою они обладают! Нет ничего удивительнее, как то, что простые люди, сыны Божии, без всякой внешней силы и знатности одним словом побеждают сильных и знатных.

Теперь перенесемся мысленно на Кармил, покрытый в обыкновенное время лесом, богатыми пастбищами и плодоносными полями, а теперь от засухи превратившийся в голый утес. С одной стороны горы разливается Средиземное море, с другой в туманной дали – озеро Генисаретское, ближе городок Назарет, поток Киссов и гора Фавор, к северу горы Ливанские с своими славными кедрами. По своей красоте и плодородию почвы Кармил вполне соответствует своему имени⁶⁷. На вершине горы стоит Илия, окруженный бесчисленным множеством народа. Здесь четыреста пятьдесят жрецов Ваала, там четыреста жрецов дубравных. Здесь нечестивый царь со своим двором, там бедный развращенный народ. Несколько тысяч пламенеют желанием увидеть дела, имеющие совершиться. Илия, человек не знатный, в волосяной одежде, опоясанный кожаным поясом, вступает в средину собрания и при всеобщем молчании говорит народу: *Доколе вы храмлете па обе плесне ваши; аще есть Господь Бог, идите в след его: аще же Ваал есть, то идите за ним.* Народ молчит: так истина поражает, оковывает язык. Илия укоряет народ в том, что он колеблется то на ту, то на другую сторону и попеременно служит то Иегове, то Ваалу. В царской фамилии, в придворных и жрецах такой шаткости не было: они были решительные идолопоклонники, совершали нечестивое плотское служение Ваалу и душою, и телом. Но народ не мог совершенно забыть того, что Иегова сделал для отцев его; он не мог еще совершенно отпасть от Иеговы, он мог еще говорить: мы не идолопоклонники, поклоняемся не тельцу, но под видом его Богу истинному. Народ смешивал Иегову с Ваалом и совершал служение, в котором находились все мерзости язычества и некоторая тень того, что совершали отцы. Таков был народ, к которому обратился Илия! Но пророк не хочет приводить

доводы, что Иегова есть истинный Бог: теперь сам Бог восхотел доказать это делом. Илия только продолжает речь свою: *аз остах пророк Господень един: и пророцы Вааловы четыреста и пятьдесят мужей, и пророков дубравных четыреста.* Конечно, и в это время не один Илия был поклонником истинного Бога: но один он вступил на поприще обличительного действия, один он громко возвещал дела Иеговы и потому как бы один оставался представителем сынов Иеговы. Напротив, число пророков Ваала, число оставивших древнее богослужение, отпавших знатных и низких было слишком велико. Илия, кажется, хотел сказать, что хотя бы весь мир был язычник и окружал его, он и тогда бы не устрасился спорить, чей Бог есть Бог истинный. Затем Илия приготовляет место, с которого сам Бог должен был открыть славу свою. *Да дадят нам два вола, и да изберут себе единого, и да растешут и (на уды), и возложат на дрова, и да не возгнетят огня: и аз растешу вола другого, и возложу на дрова, и огня не возгпещу. И да призовете имена богов ваших, и аз призову имя Господа Бога моего, и будет Бог, иже аще послушает огнем, той есть Бог.* Народ принимает предложение: некоторые из одного любопытства, другие в надежде, что победит Ваал, иные действительно желая увериться, кто Бог истинный, и все отвечают: *добр глагол (Илии), егоже глагола (да будет тако).* Почему Илия просил у Бога знамения посредством огня? Конечно, потому что Бог в Ветхом Завете, когда Израиль исполнял повеления Божии более из страха, нежели из любви, большею частию являлся в огне. Так Бог огнем наказал Содом и Гомор; в огне показал Аврааму будущее; в огне говорил Моисею; в громе и молнии дал закон на Синае и пр. Илия мог напомнить народу эти явления Бога, испросив знамение посредством огня.

Получив согласие народа, Илия говорит жрецам Ваала: начинайте! Вам принадлежит первенство, потому что вас много, и вы знатны. Насмешка это или слова в собственном значении? Очевидно, и то и другое. Жрецы Ваала, вероятно, охотнее оставили бы состязание, но должны были делать по воле народа. Ежели они знали, что только обольщают народ своим

богослужением, то как должны быть теперь жалки. С каким духом, с каким видом приступят к делу! Но настало время их посрамления. Они делают нужные приготовления к жертвоприношению и, когда все было готово, начинают призывать Ваала: *послушай нас, Ваале, послушай нас*. Они кричат, сколько есть сил, и когда один изнемогает, то его место заступает другой. Крик продолжался с утра до полудня: и *не бе гласа, ни послушания*. Потом к словам присоединяют действия, как беснующиеся бегают вокруг жертвенника: но голоса и шум раздавались в утесах и умирали в ущелиях. В полдень Илия уже с явной насмешкой говорит им: *Зовите гласом великим, яко бог есть, яко непраздность ему есть, и негли что ино строит, или спит сам, и еостанет*. Так живой на небесех посмеется нечестивым, и Господь поругается им⁶⁸. Жрецы действительно усугубили свои крики, начали по обрядам своим резать тело свое ножами и бить бичами: кровь лилась, но ответа не было. Наступил вечер, и Илия в простоте, но с уверенностью, со спокойным духом приступает к делу. *Отступите ныне*, говорит он жрецам, *да и аз сотворю жертву мою*. Жрецы отступают в замешательстве; народ ожидает с большим вниманием. На вершине Кармила был древний алтарь, построенный во времена благочестия, но теперь почти разрушившийся. Илия берет двенадцать камней по числу колен Израилевых и восстанавливает его. Около алтаря выкапывают ров; на самом алтаре Илия раскладывает дрова и возлагает на них жертву. Потом повелевает принести четыре водоноса воды и лить на жертву; повелевает то же во второй и третий раз, так что весь ров наполнился водою. Это, конечно, для того сделал Илия, чтобы показать, что огня нигде не было; потому что языческие жрецы обыкновенно обманывали простой народ, скрывая прежде огонь под жертвенником. Когда приготовление кончилось и народ с трепетом ожидал совершения, тогда пророк, исполненный веры, приступает к жертвеннику, устремляет свой взор, мысли и сердце к небу и взывает ко Господу: *Господи Боже Авраамов, и Исааков, и Иаковлев*. Пророк напоминает народу об истинном Боге, Которому поклонялись отцы его. *Послушай мене, Господи, послушай мене*

днесь огнем, и да разумеют вси людие сии, яко Ты еси Господь Бог един Израилев, и аз раб твой, и тебе ради сотворих дела сия. Послушай мене, Господи, послушай мене огнем, и да разумеют вси людие сии, яко Ты еси (един) Господь Бог, и Ты обратил еси сердца людей сих вослед тебе. Вот цель, к которой стремится пророк всею душою, всеми мыслями, всеми действиями. Спасение народа, прославление Господа – вот чего он желает! Пророк произнес молитву и небеса разверзлись, божественный огонь низшел на алтарь, пожрал жертву, дрова и воду. Народ, как громом пораженный, пал ниц и возопил: *воистину Господь Бог, той есть Бог!* Вера Илии увенчана, жрецы Ваала посрамлены. Но посрамление, вероятно, не подействовало на них; они, кажется, не хотели признать Бога Израилева, а потому пророк повелевает поймать их, низвести на поток Киссов и избить, и повеление пророка исполнено. Так и надлежало. Соблазнитель Израиля не должны были оставаться в живых; здесь Бог исполнил рукою пророка свою заповедь:

*И пророк той (ложный) или видяй сон, да умрет*⁶⁹. Исполняя этот закон, Илия совершил такое, по-видимому, жестокое дело; притом, истребив соблазнительей, он избавил целый народ от соблазна.

Ахаав видел все и, кажется, не изменился в духе, как слабый и бесхарактерный, которым управляли обстоятельства. Чудо на Кармиле, крики народа, конечно, взволновали его, но не довели до глубокого, сердечного размышления о том, что Иегова есть истинный Бог. Можот быть, он уверился в этом, но верою мертвою, а не живою. Илия, кажется, уразумел это, а потому говорит ему о житейском: *взыди, и яждь, и пий*. И Ахаав ел и пил. Но надлежало исполниться обещанию Божественному: Илия повергается на землю, полагает главу свою между коленами и молит Бога о ииспослании дождя. Это символическое действие выражает то чувство смирения, с каким пророк приступал к Богу; внешним положением тела Илия высказал сознание своего ничтожества пред Всемогущим; пред народом он был посланником Бога, а пред Богом – рабом Его. Находясь в этом положении, Илия посылает отрока своего примечать признаки дождя на горизонте. Отрок пошел, но небо

было чисто, и он сказал пророку: *несть ничтоже*. Это показывает, что первая молитва не всегда исполняется. В самом деле, если бы все исполнялось по первому прошению, то следствия не всегда были бы благоприятны. Илия повелевает отроку обратиться к морю семь раз. Почему не более, не менее? Точный ответ может дать один пророк. Отрок, исполнив повеленное пророком, усмотрел *облак мал, аки след ноги мужския, возносящий воду из моря*, и сказал Илие. Пророк, услышав это, оканчивает свою молитву и посылает сказать царю, чтобы он отправился в дом свой, потому что пойдет дождь. Вскоре показалось небольшое облако, начало распространяться, потемнют небо и сильный дождь низшел на землю. Так после трех лет с половиною пророк отверз небо! Ахаав отправился в Иезраель, а пророк, укрепленный силою Божиею, бежал пред колесницею царя.

Илия на Хориве

Прибыв в дом, Ахаав рассказал своей жене, как небесный огонь сошел на жертву Илии, как народ, пораженный чудом, единогласно исповедал Бога Илии Богом истинным, как избиты жрецы Ваала и как по возвещению Илии дождь ниспал на землю. Повествование Ахаава не тронуло кровожадной язычницы, не убедило в истине. Ярость показалась на лице ея; кровь жрецов, как пламень, разжигала ее. Илия должен умереть, его кровь должна пролиться так же, как кровь жрецов Вааловых, сказала Иезавель и свои угрозы подтвердила клятвою своими богами. В бешенстве она посылает вестника объявить Илие ее решение; она приказала сказать ему: *аще ты еси Илия, аз же Иезавель, сия да сотворят ми бози, и сия да приложат ми, яко в сей же час утро положу душу твою, якоже душу единаго от них*⁷⁰ (жрецов Ваада). Какое известие! Это ли награда Илие за чудное прекращение засухи и голода? Он, без сомнения, надеялся тронуть сердца идолопоклонников, и вот исполнение его надежды! Иезавель ожесточена так же, как и прежде, Ахаав, конечно, согласен со своей женой; обращение Израиля на путь истинный опять не исполнится; сам пророк подвергся неизбежной опасности. Какая горесть должна была объять сердце Илии! Он находится блнз той, которая поклялась погубить его, подданные ее окружают его: где искать спасения от опасности? *И убояся Илия, и воста, и отыде души ради своея*. Но куда он пойдет? Теперь он не имеет божественного повеления – идти. Прежде сам Господь показывал ему путь и назначал место: в настоящем путешествии он не имел указания Божия. Он отправился в путь неизвестный, волнуемый сомнениями без радостного сознания, что путешествие предпринял для своего Господа. Он бежит, спасая свою жизнь, – эта мысль не могла усладить его горесть. Уже Илия идет несколько дней, прошел землю Самарийскую, вступил в страну Иудейскую и пришел в Вирсавию. В этом городе он остановился, но без особенной цели: сердце его угнетено печалью, голова обременена тяжкими мыслями. Вирсавия

лежала на юге святой земли, на границе между Ханааном и Аравиею. Здесь находился тот колодезь, при котором Авраам и Авимелех заключили союз (отчего и город получил свое наименование). Но вода этого колодезя не потушила внутреннего пламени Илии. Он не захотел жить в городе, даже иметь в сообществе отрока, но, оставив его в Вирсавии, сам удалился в безлюдную пустыню и повергся на землю под ветви можжевельника⁷¹. В его голове, отягченной мрачными мыслями, могли родиться только плачевные образы; ему могло представиться, что на Кармиле снова совершаются безумные пляски вокруг золотого тельца; в Самарии возникают языческие храмы; на место избитых жрецов призвано большее число их; улицы Иезраеля оглашаются хулою на живого Бога; Иезавель упивается кровию малого остатка верующих; алтарь, на который Бог ниспослал огонь, оставлен в забвении; за дождь возсылаются благодарения Ваалу. Такие образы должны были поразить ужасом душу пророка, и он, как бы в отчаянии, говорит: *Довлеет ныне (ми): возми убо от мене душу мою, Господи, яко несмь аз лучший отец моих*. И вот пламенный ревнитель ослабевает. Человек, бывший доселе выше всех потрясений, теперь просит себе смерти. Но молитва, произнесенная не столько от святой ревности, сколько от уныния, не услышана, и желание пророка, произшедшее от сильного возмущения, не исполнилось; его душа не взята, последний час его еще не настал, он еще должен был видеть и совершить многое; но ему нужно было успокоиться и укрепиться, и благотворный сон сомкнул его вежды. Во время сна приходит к нему небесный вестник, будит его и говорит: *востани, яждь, и пий*. Илия пробуждается, видит ячменный хлеб и сосуд с водою и еще полусонный ест и пьет, и снова засыпает. Ангел Господень во второй раз пробуждает его и говорит: *востани, яждь, и пий, яко мног от тебе путь*. Услышав это, пророк ободрился; чудесное насыщение укрепило его. Бог чрез своего вестника повелевает ему предпринять дальнейшее путешествие; теперь сам Бог указывает ему путь; пророк снова увидел десницу Божию, руководящую его. Он идет один по песчаной степи сорок дней и сорок ночей без отдохновения

и без пищи. Но для Того, Который носит всяческая глаголом силы своея, легко было укреплять путника, и силы Илии не истощались. Пустыня, по которой шел он, была та самая, по которой сорок лет странствовал некогда весь Израиль; пророк видел ту землю, с которой ни одна не может сравняться по великим событиям и откровениям живого Бога. Здесь он мог читать всю историю отцов своих; на каждом шагу встречал он святые намятники великих дел Божиих: везде мог видеть славу Божию; все, окружавшее его, наполняло душу его святыми мыслями.

Наконец в туманной дали видит он гору, превосходящую своей высотой все прочие. Это гора Синайская. Она, как вековой храм, возвышается между скалами. Подле нее находится другая гора – это Хорив. Можно представить, какие мысли родились в душе пророка при взгляде на священные и вечнопамятные горы! Он мог думать, что эти горы Божии положат конец его путешествию, мог надеяться, что на древнем месте откровения, где Бог явился Моисею для избавления Израиля от рабства, явится и ему и откроет средства к обращению того же Израиля к истинному Богу. Илия подходит к горе Божией. Полный святых чувствований и глубокого благоговения, он входит в пещеру. Он молится здесь и ожидает откровения. И действительно Бог явился ему, но явился с вопросом: *что ты zde, Илие?* Какой неожиданный вопрос! Какая противоположность между надеждами, которые мог питать Илия, и вопросом, который предложил ему Господь! Илия должен был почесть его укоризною за то, что он произвольно оставил место, в которое был послан Господом, и он чистосердечно отвечает: *Ревнуя поревновах по Господе (Бозе) Вседержителе, яко оставиша тя сынове Израилевы, олтари твоя раскопаша, и пророки твоя избиша оружием, и остах аз един, и ищут души моя изъяти ю.* Как бы так сказал Илия: милосердый Господи! пламень ревности о славе твоей снедал меня, но все мои усилия остались тщетны. Все святые твои избиты; для чего же мне более жить? Что еще мне делать? Ответ, выражающий всю ревность Илии о славе Божией и вместе слабость человека, подобострастного нам! Иегова

говорит ему: *Изыди утро, и стани пред Господем в горе: и се мимо пойдет Господь и дух ввлик и крепок разоряя горы, и сокрушая камене в горе пред Господем, (но) не в душе Господь: и по душе трус, и не в трусе Господь: и по трусе огонь, и не во огни Господь: и по огни глас хлада тонка, и тамо Господь.*

Утром пророк выходит из ущелия. Едва только выступает он, как начинают являться признаки шествия Всемогущего. Пророк содрогается, страх Божий потрясает его душу. Сперва чрезвычайный шум: в безлюдной пустыне все было в мертвенном молчании и вдруг все приходит в смятение. На горе слышался страшный свист, как бы все ветры в мгновение ока устремились в спор о силе своей и свирепости. Леса колеблются, вековые кедры трещат и преклоняются к земле, песок поднимается, и его волны уподобляются волнам морским. Пророк утрашился, члены его тряслись, душа благоговела пред величием Господа. *Но не в душе Господь.* Буря утихла, но на ее место заступает новый ужас. Раздаются подземные громы, удар следует за ударом, земля колеблется, твердейшие камни разрываются с оглушительным треском, являются расселины, как бы хотевшие поглотить все. С трепетом ощущает пророк колебание земли и поражается величием Того, Который потрясает небо и землю. Но нет еще признаков пришествия милосердного Иеговы: *не в трусе Господь.* Колебание земли утихло и открывается невиданное зрелище. Как прежде ветры, так теперь пламень с ужасным свистом, со скоростью света глубокую ночь превращает в огненный день; весь воздух делается пламенем, горящим морем, катящим свои ужасные волны выше гор и пожирающим все, что встречается. Илия со всех сторон окружен пламенем. Погрузившись в молитву, он едва может смотреть на ужасное зрелище; оно не показывает ему близости Господа, и еще больший страх объемлет его сердце. *И не во огни Господь.* Пламя исчезает, во всей природе настает тишина, горы, долины, леса с глубоким благоговением ожидают Господа. И вот легкое веяние ветерка пролетает по горе – и здесь-то Господь! Илия чувствует присутствие Бога: возмущенное сердце его успокаивается, восхитительное

видение укрепляет его душу, он покрывает лице свое одеждою и идет в сретение Господу.

Какое значение, какая цель таких страшных явлений на Хориве? Может быть, Господь хотел ответить на горькие жалобы и беспокойство пророка, наставить его, вывести из мрака сомнений, в котором он находился под конец. В обстоятельствах была для него загадка: неожиданный ход, какой приняли дела Израиля, смутил его. Для славы имени Иеговы он оставил свою родину и близких сердцу; по повелению Божию отправился в Самарию, для того чтобы обратить отпавшего Израиля к вере отцов; все средства к исполнению этого были в его руках, ему позволено было заключить небо и снова отверсть его, он творил чудеса: после этого, без сомнения, пророк ожидал благоприятных следствий, и кто может осуждать его ожидание? Он уже созерцал обращение Израиля к Иегове и в этой-то, по-видимому, несомненной надежде обманулся, не только не видел добрых плодов, но и сам подвергся опасности лишиться жизни. Это было непостижимо для пророка. Такой неожиданный ход дела смутил его дух и на Хориве исторг из его сердца горькую жалобу не только на Израиль, но и на Бога. Божественным ответом на его жалобу служат страшные явления: буря, землетрясение, огонь. Что же означают эти явления? Они многозначительны. Сколько в них, столько в чувствованиях, возбужденных ими, Илия мог найти удовлетворительный, глубокий, Божественный ответ на свои жалобы и сомнения. Страшные явления в чувственных образах представили ему характер его пророческого служения. В буре Илия мог читать ту громовую речь, которую он произнес при первом своем свидании с Ахаавом. Трус выражал суд и наказание, которым он поразил землю. Огонь напомнил ему огонь на Кармиле. Из этих страшных явлений он мог убедиться, что откровения силы и величия Божия, когда они клонятся не к милости, могут привести грешника в ужас и отчаяние, но не смягчат сердца его так, чтобы он мог обратиться. Из легкого веяния ветерка Илия мог понять, что смягчает и обращает сердце только благодать, милосердие Божие; а потому мог ожидать, что после грозного обращения с Израилем Бог

обратится к нему с отеческим милосердием. Вот наставление и утешение, какое получил пророк в явлениях на Хориве!

Когда Илия стал пред вертепом, тогда Господь повторил прежний свой вопрос и Илия дал тот же ответ, какой и прежде. Но то, что прежде сказал он по возмущению духа, теперь было отголоском уstraшенного человека, и Господь говорит ему: *Иди, и возвратися путем своим, и изыдеши на путь пустыни Дамасковы, и помажеша Азаила на царство Сирийское, и Ииуа, сына Памессиина помажеша на царство под Израилем: и Елисеа, сына Сафатова от Авелмаула помажеша вместо себе пророка*⁷². Тройкое повеление Господа составляет ответ на тройкую жалобу пророка. Помазание Азаила было ответом на ту жалобу, что Израиль разорвал союз с Богом. Я хочу, говорит Господь, связать Израиля: Азаил будет служить колючею ветвью для этой связи, он будет бичом Израиля. И действительно, этот царь Сирийский много зла причинил Израильскому царству, разрушил укрепленные города, избил жен и детей, послужил мечом Иеговы, тою бурей, которая предшествовала Господу на Хориве, и когда исполнил свое назначение, и сам был низвергнут. Помазание Ииуа было ответом на вторую жалобу Илии, что алтари Божественные раскопаны и пророки избиты. Я не отдам славы моей иному, как бы так говорит Господь; дом Ахаава истребится, Ииуй посечет это древо до корня. Так и случилось. Ииуй истребил весь дом Ахаавов, как увидим ниже; жрецов Ваала избил в его храме. Помазание Елисея дало разуметь Илие, что не один он поклонник истинного Бога. Теперь Илия увидел, что бодрствующий над Израилем не оставил своего виноградника и что еще семь тысяч не преклонили колен пред Ваалом.

Каким образом Илия исполнил Божественные повеления? Некоторые⁷³ думают, что первые два повеления он исполнил чрез Елисея; полагают, что и Азаил, как Ииуй⁷⁴, помазан на царство Елисеем по повелению Илии. Другие говорят, что Илия сам помазал этих царей, основываясь на том, что Илия для этого дела и должен был идти путем дальнейшим, чрез пустыню. Если же Елисей и помазывал царей, то, вероятно, во второй раз, как Саул и Давид помазаны Самуилом два раза.

Последнее мнение ближе к словам текста. Исполнение Илиею третьего Божественного повеления в истории описано вполне.

Из гор Синайских, из уединенной пустыни пророк приходит на обильные поля, на богатые равнины Иордана. Здесь представляются взору его двенадцать земледельцев, возделывающих поля: один из них – сын богатого владельца земли. Это Елисей, сын Сафата. Сын богатого отца не считает низким для себя возделывать землю, он трудится в поте лица, подобно слугам. После трехлетней засухи трудолюбивым земледельцам, конечно, приятно было заниматься своим делом. Без сомнения, они с горестью видели бедствие своего отечества, опустошение полей своих, и при этом не могли не вспоминать об Илие, по слову которого заключилось небо; и теперь, когда небо отверзлось снова, также не могли не говорить о чудном человеке, может быть, во время этого труда они занимались разговором о нем, и вдруг к ним подходит человек, в котором они узнают Илию. Вероятно, Илия не звал Елисея, и потому искал его и нашел при плуге. Илия тотчас снимает с себя мантию и покрывает ею Елисея. Таким действием он без слов выразил повеление Божественное. Елисей понял это символическое действие, смотрел на него как на посвящение себя в пророческое звание, как на призывание к последованию за Илиею, и потому оставляет плуг, чтобы следовать за человеком Божиим. Но Елисей должен был оставить не один плуг: отец и мать его были живы, с ними он должен разлучиться. Как нежный сын, он хотел известить о своей участи родителей, хотел проститься с ними: *(молю тя)*, говорит он Илие: *да облобыжу отца моего, и мать мою, и иду вслед тебе. Иди, возвратися*, говорит ему Илия; но, чтобы облегчить печаль его при разлуке с родными, он напоминает ему о Божественном призывании: *яко сотворих тебе*. Эти слова как бы цепью оковали Елисея, дали ему разуметь, что теперь он уже зависит не от себя, не от родителей, но от другого. Конечно, для родителей Елисея была немалая жертва расстаться с сыном, отпустить его на такое служение, которое в их развращенном отечестве соединено было с великими опасностями: но они были люди богобоязливые, разлука с

сыном была повелением Иеговы, и они с радостью исполнили это повеление. Елисей закалывает пару волов, печет их на орудиях земледелия и в знак прощания, угостив собрание, отправляется вслед за Илиею.

Третье явление Илии пред Ахаава

И рече Господь ко Илии Фесвитянину, глаголя: *Востани, и сниди на сретение Ахааву, царю Израилеву иже в Самарии, се бо сей в винограде Навуфееве, яко сниде тамо наследити его*⁷⁵. Вот случай, по которому Бог посылает пророка Илию к Ахааву в третий раз! Нечестивый двор со всей несправедливостью поступил с благочестивыми израильтянами, а бесхарактерный Ахаав в своих действиях колебался на ту и на другую сторону. Если бы Ахаав имел мудрого советника, то, может быть, он был бы лучшим царем; но под влиянием Иезавели этот слабый человек сделался самым худшим государем. Он был изнежен и сластолюбив, часто отдавал скипетр свой жене и радовался, когда спокойно мог предаваться своим наклонностям. Окончив войну, он возвратился в Иезреель. Ему пришло на мысль сделать некоторые перемены в своих садах, украсить здания, окружавшие его дворец, и распространить их, где это было возможно. К дворцовым садам прилегал виноградник, отеческое наследие одного израильтянина, Навуфея. Ахаав, увидев, что для его планов выгодно присоединить виноградник к садам своим, объявил свое желание Навуфею и взамен виноградника предлагал другой или деньги; но Навуфей никак не мог расстаться со своим виноградником. По закону Иеговы израильтянам нельзя было продавать свое наследие: они должны были смотреть на место, на котором жили, как на собственность Иеговы, давшего ее. Менять могли они, но только до юбилея, в который опять должны были брать свое. Навуфей не хотел отступить от божественной заповеди и променять не мог, потому что знал, что нечестивый царь и в юбилей не посмотрит на его права. Посему он отвечал царю: *Да не будет мне от Господа Бога моею дати наследие отец моих тебе*. Он не устрасился пред царем идолопоклонником показать себя чтителем Бога Авраамова, даже, может быть, хотел отвратить от себя гнев повелителя, напомнив ему о заповеди Бога, но ответ оскорбил царя. Раздраженный отказом, Ахаав, как рассерженное дитя,

бросился на постель и отказался от пищи. В этом состоянии находит его Иезавель; видя его расстройство, она спрашивает: *что дух твой есть смущен, и не яси ти хлеба?* Ахаав высказал причину своего расстройства, кровожадная супруга, указав на оскорбление, сделанное царской властью, услужливостью и намеком на получение виноградника успокаивает царя. От имени Ахаава она пишет повеление, запечатывает его царской печатью, не говоря о том Ахааву; она приказывает начальникам и старейшинам города наложить на себя пост, знак какого-либо важного предприятия; повелевает собрать народ и в собрании дать первое место Навуфею, а против него посадить двух лжесвидетелей, которые должны обвинить Навуфея в хуле на Бога и в оскорблении царя. Все это было исполнено: невинный Навуфей осужден и за городом побит камнями. Когда кровавое зрелище совершилось, Иезавель с торжествующим видом сказала Ахааву: *встань, наследуй виноград Навуфея израильтянина, уже не взя у тебе серебра, и уже несть Навуфей жив, но умре.* При таком известии Ахаав смутился, он знал невинность Навуфея, но смущение прошло скоро, и он поспешил завладеть виноградником. По-видимому, одна Иезавель виновна в смерти Навуфея, но и Ахаав, не знавший о повелении, сделался виновным по последствию; он не наказал виновницы за смерть невинного и радовался своему приобретению. Беззаконный поступок царицы тем важнее, что Навуфей ни по самолюбию, ни по корыстолюбию, ни по дерзости отказал царю, но по вере в Бога отцов своих, из повиновения заповеди Царя царствующих.

Радость Ахаава о приобретении виноградника была непродолжительна. Как ни тайны были замыслы кровожадной царицы, но Тот, Которому известны все помышления сердец, видел их. Кровь Навуфея, пролитая на земле, вопияла на небо и подвигла Всеведущего к правосудию; праведный Бог повелевает Илие идти к Ахааву, возвестить суд свой. Между тем царь Самарийский и не думал о гневе Того, Который воздаст каждому по делам, он любовался виноградником, приобретенным насильственной смертью, думал, как на месте, омытом кровью его владельца, исполнить свои планы. Мечты

прерваны были шумом шагов человеческих. Ахаав озирается, и каково должно быть его изумление, когда он увидел, что к нему идет тот человек, который постоянно возвещал гнев Божий на него. Шел Илия Фесвитянин. Как туча, грозящая смертью, Илия явился пред царем. Он не предупредил о своем приходе, не спрашивал, позволит ли царь явиться к себе; он шел во имя Иеговы, а потому и не думал, что приходит к властителю нечаянно, в саду. Без сомнения, Ахаав никак не ожидал такого посетителя; вероятно, он полагал, что Илия далеко скрывается от него, а может быть, думал, что он, подобно другим пророкам, избитым по повелению Иезавели, уже не существует, и Илия, как дух умерщвленного Навуфея, является пред ним. Увидев пророка, Ахаав, без сомнения, изменился в лице, трясаясь от гнева и изумления, смотрел на ненавистного ему посетителя, и прежде, нежели Илия произнес одно слово, Ахаав понял посещение, догадался о причине, а потому спрашивает его: *обрел ли еси мя, враже мой? Обретох*, отвечает пророк и изрекает суд Господень. Речь пророка состоит из двух частей. В ней содержится указание на преступления дома Ахаавова и изрекается наказание за эти преступления. Илия обвиняет царя Израильского словами Иеговы в трех преступлениях: в раздражении Бога Израилева, в развращении народа Израильского и в полном служении самого Ахаава греху. В первом обвинении Иегова является Богом, раздраженным тварию, неизреченное милосердие Коего уже истощилось. Далее царю высказывается, как он своим примером, введением общественного служения Ваалу, согласием на повеление преследовать чад Божиих, поверг Израиль в грех. Горе тому, который не только сам делает зло, но и других заставляет делать тоже. Третье обвинение состоит в том, что Ахаав предан творить зло пред Господом. Ужасное состояние! И действительно, история говорит, что Ахаав злостью превзошел своих нечестивых предшественников. За это тяжесть гнева Всемогущего падает на Ахаава и на дом его. Пророк возвещает позорную смерть царю, гибель всему дому, а жене его смерть, достойную ее кровожадности.

Громовая речь поразила Ахаава. Он знал, кто говорит ему, знал также и то, что слова сего человека всегда исполнялись на самом деле; а потому слова Илии глубоко проникли в его сердце. Он почувствовал, что заслужил такое наказание, его совесть пробудилась, его дела живо представились ему. Он как бы увидел дух убиенного Навуфея, как бы услышал голоса святых, выходящие из гробов, умоляющие небо низвергнуть огонь на его преступную голову. То чувство, которое пробуждалось в нем на Кармиле, возбудилось теперь с большей силой; теперь он уверился, что Иегова есть истинный Бог, что теперь он стоит на суде Всемогущего Бога и что громы страшного Его правосудия гремят над его головой. Посему Ахаав забывает о своей короне и порфире, не заботится о приличиях и достоинстве царя, сознает себя грешником и не стыдится признавать себя таковым пред Богом и людьми. Он повергся в прах, раздирает свои одежды, вместо царских украшений покрывается жесткими одеждами кающегося, со слезами повергается пред Иеговою, проводит время в посте и молитве, в воплях и воздыханиях. Такое раскаяние царя Самарийского, конечно, не было лицемерно, его внешние действия были отголоском внутреннего сокрушения духом. Милосердый Бог обратил на него взор благодати и сказал Илии: *видел ли еси, яко умилися Ахаав от лица моею; сего ради не наведу зла во днех его: но во днех сына его наведу зло на дом его.* Таким образом, проклятие остается на Ахааве и его доме, и Иегова только откладывает наказание: но и то, что царь не увидит великого бедствия, совершенного истребления своего дома, для него великая милость. Она оказана ему, конечно, для того, чтобы научить людей, как Бог правосуден и каково должно быть их раскаяние. Для того чтобы получить живот и спасение, в раскаянии Ахаава не доставало любви, одушевляющей действия людей.

Посему слова Илии должны были исполниться и исполнились так точно, как он говорил. Ахаав без всякой причины объявил войну Сирии, не испросив на то, по обыкновению благочестивых царей, повеления Господа и не вняв увещаниям пророка Михея. В первом сражении рука

раздраженного Бога поразила Ахаава. Один воин пустил стрелу и поразил в сердце царя Израильского. Ахаав приказал увезти себя с поля битвы, кровь из его раны означила путь, по которому везли; к вечеру он умер. В Самарийском источнике смыли кровь с колесницы, псы полизали ее и блудницы омылись на том месте⁷⁶. Ииуй был орудием исполнения второго предсказания. Взошедши на престол, Ииуй первое военное действие обратил на Иезреель, в котором лечился царь Израильский, Иорам, сын Ахаава. Узнав о приближении Ииуя, Иорам послал к нему послов с мирным предложением, но Ииуй отверг их; он уже вступил на то место, которое Ахаав отнял у Навуфея, тогда Иорам сам вышел к нему, предлагая мир. Ииуй с презрением отверг его предложение, и когда Иорам хотел спастись бегством, стрела, пущенная Ииуем, пролетела сквозь сердце Иорама, и он упал мертвым. Ииуй приказал, по слову Господа, разбросать части тела Иорамова по винограднику Навуфея. Иезавель, узнав о победе, хотела обольстить Ииуя своей красотой, но не успела в этой хитрости, сердце победителя было твердо, он приказал выбросить ее из окна, стены обагрились ее кровью, кони попрали тело ее, так что остались некоторые части, но и их Ииуй велел оставить на улице, и псы пожрали их. После этого Ииуй приказал избить сынов, сродников и ближних Ахаава, так что ни один из нечестивого дома не остался жив⁷⁷. Так погибает нечестивый!

Илия пред Охозией

По смерти Ахаава на престол Израильский взошел сын его Охозия. Он следовал по стопам отца своего, делал одно зло пред Господом, так же, как и Ахаав, служил Ваалу; посему тяжесть проклятия должна была пасть на него. Первый чувствительный удар нанесло ему отпадение моавитян. Этот народ долгое время был в зависимости от царя Израильского, но при Охозие усилился и возвратил себе независимость. Другим ударом была жестокая болезнь Охозии: он упал из окна дворца своего. Но Охозия и на смертном одре представляет новое доказательство той горькой истины, что и самые тяжкие страдания не сильны смягчить ожесточенное сердце грешника. Охозия не научился из примера отца, в чем состоит истинное покаяние. Как ни ясно открывал себя Всемогуший в Израиле и как ни ужасны были следствия Его гнева, Охозия забыл все это. Он думал, что все, бывшее при отце его, кончилось с его кончиной; а потому вместо того, чтобы прибегнуть к благодати живого Бога, он обратился к идолам, послал послов в Аккарон к Ваал-Зебубу⁷⁸. В это время Ангел Господень послал навстречу послам Илию с судом Иеговы. Послы Охозии отправились в путь и думали только о том, как бы скорее достигнуть цели своего путешествия. Но они ошиблись в своих расчетах, вестник будущего вышел им навстречу, и такой, которого они совершенно не ожидали. Им явился человек величественного вида, облеченный в волосяную одежду; он с пламенной ревностью сказал им: *Или несть Бога во Израили, яко грядете вопрошати Ваала скверного бога в Аккароне; И сего ради сице глаголет Господь: одр, на него же возшел еси ту, не имаше слезти с него, яко ту смертью умрешу*⁷⁹. Такая встреча и такое повеление, без сомнения, поразили ужасом послов Охозии, они не знали, что делать. Ежели они возвратятся так скоро и с таким ответом, как примет их царь? С другой стороны, сознавали, что слова пророка – слова свыше, слова истины, и потому не могли идти далее. Они решились возвратиться к Охозие с ответом пророка. Как скоро Охозия увидел их, тотчас

спрашивает: с чем они возвратились и почему так скоро? Послы рассказали, что случилось с ними на пути и что сказал им встретившийся человек. «Каков видом он?» – спрашивает царь и, выслушав описание, тотчас догадался, что это Илия Фесвитянин. Охозия повелевает призвать к себе пятидесятника и приказывает ему идти со своими воинами поймать и привести пророка. Какое заблуждение царя, приближающегося к смерти! Он знает, кто тот человек, против которого он посылает воинов, он видел великие дела, которые совершил Иегова посредством сего человека, и не удерживается от борьбы с ним. Так нечестие думает противоборствовать Всемогущему! Пятидесятник поспешил исполнить волю царя и скоро нашел того, кого приказано было ему отыскать. На вершине горы, вероятно, Кармила, он увидел пророка. Там сидел Илия, занятый святыми размышлениями. Как посланник царский, как человек, вооруженный и имеющий воинов, коим не может противиться один безоружный человек, пятидесятник с гордостью и насмешкой говорит Илие: *человек Божий, царь зовет тя, сними*. Так, думает Илия, вы знаете, что я человек Божий, и между тем в сердце своем помышляете противное, восстаете против Бога. Эта мысль воспламенила душу его святой ревностью, и он отвечает: *аще есмь человек Божий аз, то да снидет огонь с небесе, и снесть тя, и пятьдесят твоих (с тобою)*. Едва пророк произнес слова, Иегова услышал их; небо разверзлось, огонь ниспал и поверг пятидесятника и его воинов. Узнав о таком событии, царь Израильский вместо того, чтобы понять, против какого могущества восстает, посылает другого пятидесятника с воинами привести пророка. Посланный находит Илию на том же месте и, без сомнения, с такою же дерзостью сказал: *человече Божий, сице глаголет царь: потщався сними*. Пророк отвечает, как и прежде, и небесный огонь пожрал пятидесятника и его воинов. Надлежало бы ожидать, что двукратное поражение смягчит сердце Охозии: но оно еще более ожесточилось, гнев царя достиг высочайшей степени, он посылает третьего пятидесятника. Этот повинуетя повелению, но уже не дерзость первых в его сердце; он идет, ожидая того же, что случилось с его предшественниками. Илия сидит на

прежнем месте, он не думает скрываться, не боится, хотя бы целое войско было выслано против него, он знает, что с ним сила Божия. Когда пятидесятник увидел человека Божия, ужас объял его сердце, его колена колеблются, он падает пред пророком и говорит ему: *человече Божий, пощади душу мою и душу раб твоих сих пятьдесят пред очима твоима*. Пророк увидел, что успел наконец смягчить сердца нечестивых; в это время Ангел Господень сказал ему: *сниди с ним*. И так Илия должен отдаться в плен, должен идти к врагу своему; но ему сказано: *не убойся от лица их*, и он идет, приходит к царю и, конечно, одним своим взором оковал его душу. Хотя Охозия был озлоблен против пророка, но не мог излить на него гнев свой. Илия торжественно сказал ему: *сице глаголет Господь: что яко послал еси послы вопрошати Ваала скверного бога во Аккароне, акибы не был Бог во Израили, еже вопросити от Него словесе; сего ради от одра, наньже возшел еси ту, не имаше слезти с него, яко смертию умреши*. Сказав это, пророк удалился, но слово его исполнилось во всей силе.

Так чудный пророк совершил дело свое с царями земли.

Вознесение Илии

Оставив шумную столицу израильскую, Илия отправился в мирные равнины Иордана, остановился в Галгалах, недалеко от Иерихона, где некогда знаменитый вождь Израиля Навин положил двенадцать камней в память чудесного перехода израильтян чрез Иордан. Но пророк уже оканчивал течение свое на земле: по божественному откровению ему уже известна была участь его, он как бы видел уже в облаках огненную колесницу, долженствовавшую перенести его в жилище вечности. С этой великой тайной в сердце Илия отправляется из Галгал в Вефил, проститься с учениками пророческими. Он хотел совершить это путешествие один, а потому сказал Елисею: *седи убо zde, яко Господь посла мя до Вефиля*⁸⁰. Но Елисей не хотел оставить своего учителя: *Жив Господь, говорит он, и жива душа твоя, аще оставлю тя*. Еще два раза, в Вефиле и Иерихоне, пророк высказывает свое желание спутнику, но получает от него один и тот же ответ. Нетрудно понять желание пророка. Иегова открыл ему великое событие, подобное которому было в мире только однажды. Один только Энох переселился с земли на небо, не видев смерти, но образ преложения Эноха неизвестен; Илия же не только не должен видеть смерти, но и вознестись с видимою славою, огненная колесница должна была служить ему лестницей на небо. Каково же долженствовало быть расположение его души в это время? Его непрестанно должна была занимать мысль, что чрез несколько времени он будет взят превыше луны и солнца в божественное святилище, к не вечернему свету, что он должен будет предстать пред престол Иеговы, узреть Его лицом к лицу, земные узы уже не существовали для него, он парил в небо, а потому для него не нужно было сообщество и любимейшего ученика его, а нужно было уединение, неразвлекаемое размышление о будущем. Но несмотря на троекратное изъявление своего желания, пророк услышал троекратный отрицательный ответ. Елисею также была открыта судьба его учителя, и он, как бы предвидя великие плоды сопутствия Илие, никак не хотел оставить пророка.

Любовь и усердие Елисея победили желание Илии, и они шли вместе. В двух последних городах, в которые они приходили, встречали их сыны пророческие, коим также возвещена была от Господа разлука с великим наставником⁸¹. С этими-то сынами Илия, как нежный отец, прощался пред своим вознесением. Они с сыновней горестью говорили Елисею: *разумеешь ли, яко взимает Господь днесь господина твоего верху главы твоея (от тебе)*; Елисей отвечает им: *и аз уразумею, молчите*. Некоторые из них, подобно Елисею, не могли оставить пророка; мысль, что они видят его уже в последний раз, побудила их следовать за ним. Пятьдесят сынов пророческих сопровождали Илию и Елисея. Вероятно, и они надеялись увидеть славное вознесение своего учителя, но Господь сокрыл от них великое событие. Когда они достигли Иордана, то сыны пророческие остановились в некотором отдалении, а Илия и Елисей подошли к самой реке. По ту сторону реки надлежало и Елисею разлучиться со своим учителем, но каким образом перейти на другую сторону? Илия не заботится об этом; он знал, что Иегова, по молитве Моисея, среди моря сделал сушу для перехода Израиля. Бог Моисея есть Бог и Илии. Посему Илия снимает с себя мантию, при внутренней молитве ударяет ею по водам, река разделяется и является суша. Для Илии это уже не было удивительным; он был уже небесным обитателем; но это чудо весьма много могло служить к утверждению в вере Елисея. Та мантия, посредством которой разделены воды, была символом призвания его в пророческое служение, и она же будет служить символом ниспослания ему благодати. Так великий пророк с учеником своим отделился от сынов пророческих и скрылся от их взоров.

Перешедши Иордан, Илия останавливается и, без сомнения, с сильным внутренним движением обращается к своему спутнику. Елисей мог подумать, что минута разлуки наступила и его учитель хочет высказать ему последнее прощание. Но Илия имел в сердце своем более, нежели только прощание: он хотел дать отеческое благословение, и не такое, какое дают обыкновенные люди, выражая его одними желаниями и словами. Он говорит Елисею: *проси, что сотворю*

ти, прежде, неже взят буду от тебе. Великое слово! Знает ли пророк, чего будет просить ученик его? Конечно, Илия был уверен, что Елисей не будет просить у него благ земных, потому что он также ценил их, как и Илия; а потому будет просить небесного, но в воле ли пророка разделять дары небесные? Сам он не требует ли их от раздающего всем Бога? Несмотря на это Илия говорит смело: *проси, и это потому, что он имел дерзновение к Дающему всяческое и, следовательно, надеялся исполнить своей молитвой всякое прошение ученика.* Каково предложение, таков был и ответ: *Да будет убо дух, говорит Елисей, иже в тебе, сугуб во мне.* Такое прошение, по видимому, смелее самого предложения просить что угодно. Для устранения такой смелости некоторые старались уменьшить силу прошения Елисеева. Одни⁸² слово *сугуб* относили к словам *дух, иже в тебе*, как бы прошение его было такое: *да будет твой двоякий дух и во мне, то есть дар пророчества и чудес.* Другие⁸³ слово *сугуб* принимают за разделяющее, будто бы Елисей так говорил: *«Да будет во мне две части твоего духа».* Но совершенно нет нужды прибегать к таким вынужденным изъяснениям. Св. Амвросий⁸⁴ говорит: *«Илия, имевший однократный дух святости, Елисею оставил двукратный. Чудесным образом ниспослал ему благодати более, нежели сколько с собою понес на небеса».* Следовательно, св. отец принимает слова Писания в их прямом значении. В самом деле прошение Елисея вытекает из сердца, пораженного скорбью и глубоко проникнутого святыми чувствами. Нужно только представить то положение, в котором оставался Елисей после Илии, чтобы понять слова его. Илия был твердым столпом церкви Божией; силы, данные ему Богом, были велики, дела его славны: при всем том Израиль остался в одинаковом положении. Что же после Илии мог сделать Елисей? Чтобы подействовать на Израиль, очевидно, нужны были силы и дела еще большие. По крайней мере мог так думать Елисей как человек. Проникнутый такой мыслью, он выражает желание своего чистого сердца. Его прошение как бы изумило самого пророка; *ожесточил еси просити*, говорит он Елисею. Несмотря на то, Илия не отказывает ему, но предлагает

только условие: *аще узриши мя вземлема от тебе, будет ти тако: аще ли не узриши, не будет.* Для того, говорит Златоуст⁸⁵, Илия предлагает это условие, чтобы еще более возбудить желание и ревность Елисея, приготовить его к принятию Духа и усугубить свои молитвы.

Занимаясь беседой о будущем важном служении Елисея, о его прощении, Илия и Елисей продолжали путь свой. Но вот, по слову Иеговы, великая минута настала, разлука приблизилась, с высоты опускаются огненная колесница и огненные кони⁸⁶. Елисей едва может смотреть на это великое невиданное зрелище; Илия остается спокоен, входит в торжественную колесницу, и она начала подниматься от земли. Величественное зрелище напомнило Елисею о его прощении, а вместе с тем дало почувствовать всю важность потери учителя, и сердце ученика раздиралось скорбью. В борьбе чувствований он восклицает: *Отче, Отче, колесница Израилева, и конница его!* В этом восклицании выражается вся приверженность Елисея к Илие и все прославление пророка. Что может сильнее выразить привязанность, любовь одного лица к другому, как название отцом! Елисей чувствовал вполне, чем был для него Илия, какого руководителя он лишился, и с пламенной любовью называет его отцом! С другой стороны, как прилично название Илии: *колесница Израилева, и конница его.* Действительно, Илия был колесницей, поражающей развратителей Израиля, молниеносной конницей. Елисей в горести разрывает одежду свою. Но вдруг видит пред собой милоть своего учителя – символ утешительный и многозначительный! Посредством нее Илия выразил призывание Елисея к высокой пророческой должности, она была средством к разделению вод Иордана и теперь, конечно, была знаком исполнения его прошения – ниспослания благодати.

Елисей, взяв ниспосланный ему дар, предпринимает обратный путь. Подошедши к Иордану, он, по примеру Илии, ударяет милотию по водам, но, вероятно, удрученный горестью и волнуемый различными чувствованиями, без веры Илииной, вода не расступилась. Это привело его в себя самого: он снова ударяет, но уже в духе Илии, и прежнее чудо снова

совершилось. Сыны пророческие, находившиеся в Иерихоне и видевшие это чудо, узнали, что Елисей заступил на место Илии. Они просили у него позволения послать искать тело Илии. Елисей знал, что тщетно искать его: но, чтобы они уверились в том собственным опытом, позволил. Три дни прошли в тщетных поисках, и посланные возвратились. И в позднейшие времена, во времена христианства, некоторые старались найти не тело Илии, а то место, в котором он обитает по вознесении. Одни⁸⁷ думали найти его в эфирном небе, другие⁸⁸ в земном раю, иные⁸⁹ в неизвестной земной стране. Но лучше поступают те⁹⁰, которые говорят, что место это неизвестно. Его узнаем тогда, когда настанет царство славы.

Когда Илия вознесен был на небо? В конце царствования Иосафата, царя Иудейского, и вскоре после смерти Охозии, царя Израильского, как повествуются эти события в Св. Писании. Но Охозия умер в 22-й год царствования Иосафата. Отсюда с вероятностью можно положить, что Илия взят на небо около 898 г. до Р.Х. Если пророк, явившийся в третий или четвертый год царствования Иосафата, был 30 лет отроду, то, очевидно, он взят на небо около 48 лет от рождения. Общее древнее предание назначает 20-й день июля днем вознесения Илии.

Пророк Илия во время жизни своей на земле живым словом уст своих поражал нечестие; он не оставил никакой книги. Но спустя 10 лет по вознесении Илии приносят Иораму, сыну Иосафатову, заступившему престол отца своего, письмо Илии⁹¹. В письме пророк обличает царя в развращении, возвещает наказание язвою, жестокой и продолжительной болезнью и наконец смертью. Когда написано письмо это? Для устранения этого вопроса некоторые⁹² говорят, что оно написано не Илией Фесвитянином, а другим Илией, жившим во времена Иорама. Другие⁹³ под именем Илии разумеют Елисея, действовавшего в духе Илии. Но нет никакого основания отступать от собственного значения слова. Многие⁹⁴ полагают, что письмо писал действительно пророк Илия, и писал его в раю или в том месте, где он находится, и передал его Елисею. Мнение это основывают на явлении душ и явлении самого пророка при

преображении Иисуса Христа. Но для чего заставлять писать письма с неба на землю? Говорят, это сообразно с ревностью Илии, которою он пламенеет и на небе. Но неужели необходимо обнаруживать ревность свою на земле? Святые могут выражать ее пред Богом. Далее говорят, что письмо с неба сильнее могло подействовать на царя. Но если и мертвые востанут, то и тогда, по слову Спасителя, нечестивые не поверят. Притом неужели менее сильно может действовать письмо, написанное за несколько лет? Пример силы такого пророчества мы видим на Кире. Итак, согласимся, что Илия как пророк, водимый Духом Святым, видел пророческим оком нечестие Иорама, развращение царства Иудейского и, побуждаемый ревностью о спасении собратий своих, написал пророчество на Иорама, будучи на земле, и повелел Елисею отдать его в надлежащее время.

Явления Илии после его вознесения

Илия уже на небе, но позднейший его пророк говорит от лица Иеговы Израилю: *И се Аз пошлю вам Илию Фесвитянина, прежде пришествия дне Господня великого и просвещенного: Иже устроит сердце отца к сыну, и сердце человека ко искреннему его, да не пришед поражу землю в конец*⁹⁵. Следовательно, древнему Израилю надлежало ожидать нового явления Илии. Действительно, народ иудейский ожидал Илии и ожидал его пред пришествием Мессии⁹⁶, а иудеи, неверующие в Иисуса Христа, доселе думают, что Илия ревнует по закону, и ожидают его пришествия⁹⁷. Св. Писание Нового Завета говорит о явлении Илии: перенесемся мыслью к этому событию и посмотрим, исполнилось ли в этом явлении пророчество Малахии.

В стране Галилейской, недалеко от Назарета и Каны, находится прекраснейшая⁹⁸ гора Фавор, возвышающаяся⁹⁹ над всеми другими в виде пирамиды. Она усеяна различными благовонными и плодовитыми деревьями. С ее вершины представляются великолепные виды. С одной стороны поражает взор гора Кармил, свидетельница великого события при Илии; к северу хребет Ливанских гор; на юге холмы, усеянные виноградными и померанцевыми кустарниками; с другой стороны блещут воды озера Тивериадского. На эту-то прекрасную гору в одно утро Божественный Искупитель удалился с тремя своими учениками и здесь открыл им славу своего Божества – преобразился пред ними. Изумленные ученики за этим чудом вскоре увидели новое: они увидели двоих небесных посланников, беседующих со Спасителем, двух столпов церкви Ветхозаветной, граждан небесного Иерусалима – Моисея и Илию. И так вот Илия явился снова на земле спустя почти тысячу лет после своего вознесения на небо.

Какая была цель этого небесного посольства? Евангелист Лука, описывая событие, замечает: *глаголаста исход Его (Иисуса), его же хотяше скончати во Иерусалиме*¹⁰⁰. Следовательно, все действие Моисея и Илии при этом великом

событии ограничивалось одной беседой о великой жертве, которую имел принести Искупитель. Но здесь могли быть и другие цели. Иудеи не признавали Иисуса Христа Мессией; но многие почитали его пророком, посланным от Бога, почитали даже Илиею. Посему Моисей и Илия явились, дабы свидетельствовать, что во Иисусе Христе исполнились закон и пророки, что он есть истинный Мессия, Спаситель мира. Моисей явился как законодатель, Илия как представитель пророков¹⁰¹. Таким образом, явление Илии при преображении Иисуса Христа совершенно несходно с тем, которое предсказывается у пророка Малахии, и, следовательно, его никак нельзя почитать исполнением пророчества.

Многие¹⁰² у пророка Малахии под именем Илии понимают Иоанна Крестителя. Основания этого мнения, по-видимому, тверды. Действия Илии, описанные Малахией, действительно таковы, каковы были действия Иоанна. В Евангелии Св. Луки ангел говорит, что *Иоанн предыдет пред ним (Иисусом Христом) духом и силою Илииною, обратит сердца отцем на чада*¹⁰³. Сам Иисус Христос ученикам, высказавшим Ему мнение книжников и фарисеев, что прежде пришествия Мессии должен явиться Илия, говорит: *Илия убо приидет, и устроит вся. Глаголю же вам: яко Илия уже прииде, и непознаша его*. Ученики поняли, что Иисус Христос сказал об Иоанне Крестителе. Что касается сходства характера и действий Иоанна и Илии, то оно еще не дает права решительно утверждать, что пророк Малахия действительно под именем Илии разумел Иоанна Крестителя. А ангел в Евангелии Луки не называет Иоанна прямо Илиею, но указывает только на сходство сих двух лиц, говорит, что Иоанн будет действовать в духе и силе Илии; следовательно, и из его слов нельзя утвердительно заключить, что пророчество Малахии исполнилось. По этому же сходству и Иисус Христос называет Иоанна Илиею, но в Его словах можно видеть две мысли. Иудеи смешивали два пришествия Мессии на землю в одно, или лучше, они ожидали одного пришествия, а о другом и не думали; а потому и говорили, что пред пришествием Мессии должен явиться Илия. Иисус Христос и не отвергает этого

мнения, говорит, что действительно Илия придет и устроит все, но, чтобы указать на двоякое пришествие Мессии, выражает, что Илия уже приходил, только иудеи не узнали его. Посему из слов Спасителя нельзя еще заключить, что пророчество Малахии вполне исполнилось; можно еще ожидать исполнения его в будущем. Самые слова пророка Малахии не позволяют отступать от собственного значения имени Илии, потому что если пророк разумел действительно Иоанна Крестителя, то почему он не назвал его собственным именем, или, по крайней мере, так, как он назвал его прежде – ангелом? Таким образом, можно согласиться с мнением большей части отцов церкви¹⁰⁴, что пророк Малахия говорит о явлении Илии пред вторым пришествием Иисуса Христа. Так думать заставляют и некоторые места Св. Писания.

а) Сообразив все пророчество Малахии, нельзя не видеть, что в конце он говорит о втором страшном явлении Мессии.

В шести речах его содержится следующее: а) судьба Израиля лучше Едомовой (гл. I, 1–5); б) обличение священников за небрежность в жертвоприношении (гл. I, 6–11, 9); в) обличение иудеев за браки с иноземными и за разводы (гл. II, 10–16); г) ответ сомневающимся в правосудии и промысле Божиим (гл. II, 17– III, 7); д) обличение за неверность в десятинах (гл. III, 8–12) и е) пророк уверяет, что в решительный день суда Божия праведники увидят свое преимущество пред беззаконниками (гл. III, 13 и IV).

Очевидно, пророк от состояния иудеев в то время переходит ко временам Мессии, говорит о Его Предтече, об исполнении самого обетования Иеговы, об очищении или улучшении Богослужения, о благодеяниях Мессии, об избрании чад (гл. III); наконец переносится ко временам отдаленнейшим, говорит о великом и страшном суде, который произведет Мессия, и о предтече этого грозного пришествия. Таким образом, у пророка описываются два явления Мессии: мирное, благодетельное и строгое, страшное. Последнее никак нельзя смешивать с первым; все те черты, которыми пророк означает его, никак нельзя согласить с первым благодатным явлением Иисуса Христа. Если же должно разуметь здесь второе

страшное пришествие, то очевидно надобно допустить, что предтечей его будет уже не Иоанн, а другой, именно Илия Фесвитянин.

б) Новозаветный тайновидец, описывая страшное второе пришествие Иисуса Христа, говорит¹⁰⁵, что прежде него посланы будут с неба на землю два свидетеля, кои будут обличать беззаконных и самого главу их – антихриста. Черты, коими изображает пророк новозаветный обличителей, ясно указывают на Илию. Обличители будут облечены во вретище, огонь будет выходить из уст их и пожирать врагов их, они будут иметь власть заключать и отверзать небо. Ясно описывается Илия, облеченный в волосяную одежду, заключавший и отверзавший небо, поразивший огнем врагов своих – посланников Охозии.

в) Последние слова пророка Малахии отцы церкви объясняют следующим образом: Илия как бы перенесет ум и сердца патриархов в их потомков и сердца потомков сделает подобными сердцам патриархов. Он возбудит в иудеях такую же веру во Иисуса Христа, в Мессию пришедшего, какую имели патриархи грядущего¹⁰⁶. Еврейское слово *נִשְׁבַּח* означает: заставит возвратиться; это то же, что и Иисус Христос говорит: устроит, восстановит все. И действительно, иудеи должны обратиться ко Христу пред концем мира: это общее мнение отцов церкви. «Илия, говорит Златоуст¹⁰⁷, восстановит все, то есть неверие иудеев обратит в веру». Но несомненный свидетель в этом Ап. Павел; он уверяет¹⁰⁸, что весь Израиль спасется. Где же исполнение этого при первом пришествии Мессии? Без сомнения, его ожидать должно при втором.

И кто уверит ожесточенных иудеев в истинности веры в Иисуса Христа, кроме Илии? Он один, как представитель пророков, пламенной ревностью может совершить такое великое дело.

Заклучим жизнеописание великого пророка теми же прекрасными и сильными словами Ветхозаветного писателя, которыми начали, изображающими всю жизнь, действия и будущее явление Илии. *И воста Илиа пророк яко огонь, и слово его яко свеща горяше: Иже нанесе на ня (Израильтян) глад, и*

ревностию своею умали я: Словом Господним удержа небо, и сведе тако трижды огонь с небесе. Коль прославился еси Илие чудесы твоими; и кто подобен тебе похвалится; воздвигнув мертвеца от смерти, и из ада словом Вышнего: сведый цари в пагубу, и прославленные от одра их. Слышавый в Синаи обличение, и в Хориве судьбы отмщения. Помазуяй цари на воздаяние, и пророки преемники по себе. Вливыйся вихром огненным на колеснице коней огненных. Вписан во обличения на времена, утолити гнев прежде ярости, и обратити сердце отчее к сыну, и устроить колена Иаковля. Блажени видевшии тя, и любовию украшении. Сир. 48: 1–12.

Примечания

- ¹ - Λόγος εἰς Πέτρον τὸν Ἀπόστολον καὶ Ἡλίαν τὸν Προφήτην.
Op. Chris•. T. II.
- ² - Напр., Ной (успокоитель или утешитель), Самуил (испрошенный от Бога), Давид (возлюбленный) и др.
- ³ - Isidor. 1. 7. Orig. с. 8.
- ⁴ - 3Цар.18:39; יְהוָה имя Божие – Господь, 'п сокращенное имени Иегова, пт сей = יְהוָה
- ⁵ - 3Цар.17:1.
- ⁶ - Иер. 8:22.
- ⁷ - Осип. 6:8.
- ⁸ - Abul. Hugo. Lyran.
- ⁹ - Суд. 9:54.
- ¹⁰ - Adrichom. in Descript, terrae Sanctae.
- ¹¹ - Сир. 48:10.
- ¹² - Ориг. tom. 7, in Job.
- ¹³ - Epist. 12 vel ut alii citant v. 11. с. 2 ad Nicolaum II Rom. Pontificem.
- ¹⁴ - Чис. 25:12,13.
- ¹⁵ - In Hebr. quaest. in 1. 1. Paral.
- ¹⁶ - Епифаний, Дорофей, Исидор, Метафраст, св. Димитрий Ростовский.
- ¹⁷ - См. Четыи Минеи, 20 июля.
- ¹⁸ - Saliau.
- ¹⁹ - Torniellius.
- ²⁰ - Winer's Biblisches Realwörterbuch. Zweite Auflage, Leipz. 1838. Хронологи в летоисчислении большею частью не согласны между собою; исчисление указанного автора кажется точнее других.
- ²¹ - Дорофей, Епиф., Метафр., Димитрий Ростовский.
- ²² - Иер. lib. 1 contr. Iovian.
- ²³ - Златоуст 1. de Virgin, t. 5.

- 24 - Παгаеп. 1 tom. 2. fol. 90, 91.
- 25 - Тропарь прор. 20 июля.
- 26 - 4Цар. 2.
- 27 - Lib. de ortu et interitu Prophet, c. 35.
- 28 - 3Цар. 19:14.
- 29 - 3Цар. 17:1.
- 30 - Пс. 142:8.
- 31 - 1Цар. 3:9.
- 32 - Златоуст hom. 1 de Elia.
- 33 - а) Иак. 5:17.
- 34 - б) Hom. εἰς Πέτρου καὶ Ἡλίου.
- 35 - Златоуст hom 2 de Elia.
- 36 - Merfand ap. Joseph. I. 8. c. 7.
- 37 - Лк. 4:25; Иак. 5:17.
- 38 - 3Цар. 17:2.
- 39 - 3Цар. 17:3,4.
- 40 - Василий Вел. hom. 8 in divites avaros.
- 41 - Притч. 30:17.
- 42 - Иероним in Vita S. Pauli.
- 43 - Prosper. 1. 2. de praedicto et promise, c. 28.
- 44 - Август. serm. 101 de Tempor.
- 45 - Auctor mirabil. S. Script, np. Augu. 1. 2. c. 17.
- 46 - Εἰς τον Προφήτην Ἡλίαν λόγος. Op. Chr. T. VI.
- 47 - 3Цар. 17:7.
- 48 - 3Цар. 18:1.
- 49 - 3Цар. 17:7
- 50 - 3Цар. 17:8.
- 51 - Сарепта ныне называется Сарфанд.
- 52 - χρῆ conflare, так назван город, потому что в нем делались медные сосуды и были устроены многие плавильни.
- 53 - Εἰς τὸν Ἡλίαν καὶ εἰς τὴν χήραν. Op. Chrisost. T. III. p. 332.
- 54 - Ibid. p. 331.
- 55 - Op. Chris. T. II. p. 736.

- 56 - Cornel, a lap. Comm, in 3 Reg.
- 57 - Sermo 201 de Temp.
- 58 - In vita Ionaе.
- 59 - In vita Ionaе.
- 60 - In Ionaм.
- 61 - Ныне тут небольшая деревенька Ель-Мешед.
- 62 - 3Цар. 18:1.
- 63 - 3Цар. 18:3.
- 64 - Дорофей in libr. de vita et morte Proph.; Епифан. in vita Abdiae; Иерон.; Евсевий in Chronico; Клим. Алекс. 1 Strom, etc.
- 65 - Так думают Иерон. initio Comment in Ose.; Феодорит, Кирилл.
- 66 - См. Авд. ст. 1, Ис. гл, 21, Ам. 1:11.
- 67 - Кармил значит плодovitое поле.
- 68 - Пс. 2, 4
- 69 - Втор. 13: 1–6.
- 70 - 3Цар. 19:2.
- 71 - Juniperus – в большом изобилии растет в Сирии: свойство его сходно с кедром. Junipero eadem est virtus, quae cedro. Plin. 1. 16, с. 30.
- 72 - 3Цар. 19: 15, 16.
- 73 - Феодорит, Дионисий.
- 74 - 4Цар. 8, 13.
- 75 - 3Цар. 21: 17, 18.
- 76 - 3Цар. 22: 38.
- 77 - 4Цар. 9, 10
- 78 - В славянском переводе: к Ваалу скверному богу. В подлиннике Beelzebub, Baal musca – бог мух, Назианз. 1. 2 с. Julian и Феодорит quaest. 3, говорят, что идол этого бога имел вид мухи. Некоторые, согласно с Серарием и Люцианом, думают, что это был бог или богиня сладострастия, которое замечается в мухах. В Новом Завете (Матф. 10, 12) Веелзебубом (Веелзевулом) называется сатана.
- 79 - 4Цар. 1, 3, 4

⁸⁰ - 4Цар. 2, 2

⁸¹ - Св. Писание говорит о пяти школах пророческих: о двух упоминается во времена Самуила (1Цар. 10, 5, 10, 19, 18, 24), кои были в Кериафиариме и Раме; о трех во времена Илии. Посему с вероятностью можно почитать Илию если не основателем, то по крайней мере главою последних, как Самуила первых. В этих школах преимущественно занимались Св. Писанием, законами и, кажется, песнопением (1Цар. 10, 19).

⁸² - Angelomus.

⁸³ - Pagnin.

⁸⁴ - Serm. 2 de Eliseo.

⁸⁵ - Златоуст, hom. 1 in acta.

⁸⁶ - Излишне исследовать, действительно ли Илия на огненной колеснице и огненных конях вознесся на небо? Некоторые, опасаясь того, что огонь мог повредить телу Илии, но чтобы удалить вопрос: когда, как и где сотворена эта колесница, думают, что ангелы вознесли Илию на небо. Так думает и св. Амвросий Serm. 2 de Eliseo et in symb. apost. sub finem. Но Тот, Который мог удалить от смертного смерть, без сомнения, мог произвести огненную колесницу и коней. Это, вероятно, подало мысль восклицанию Елисея, и он, без сомнения, передал то, что видел. Златоуст говорит, что огненная колесница соответствовала пламенной душе Илии. Hom. 1 de Elia.

⁸⁷ - Дорофей in synopsi v. de vita Eliae; Иероним in cap. 9 Amos; Амвр. 1. de Paradiso.

⁸⁸ - Иринеи 1. 5. с. 5; Иустин qu. 85; Исидор 1. de or. et obitu Sanctor. с. 5.

⁸⁹ - Григорий hom. 29 in Evang.

⁹⁰ - Златоуст hom. 22 in ep. ad Hebr.; Августин de Gratia Chr. с. 2 et 3 etc.

⁹¹ - 2Пар. 21, 12–15.

⁹² - Caetan.

⁹³ - Vatabl.

⁹⁴ - Genebr. 1. 1. Chronol.; Joseph. Acosta. I. 3 de Noviss.
Temp. с. 7. et alii.

⁹⁵ - Малах. 4. 5, 6.

⁹⁶ - Матф. 17, 10.

⁹⁷ - Rabbini in Talm. tract. Berachot; Galatin 1. X. с. 6.

⁹⁸ - Beda tract. de locis sanctis с. 17.

⁹⁹ - Joseph. 1. 4 de Bello с. 2, говорят, что ее высота 30
стадий.

¹⁰⁰ - Лк. 9, 31.

¹⁰¹ - Иероним, Златоуст, Амвросий, Евфимий.

¹⁰² - Calmetus et alii.

¹⁰³ - Лк. 1, 17.

¹⁰⁴ - Кирилл, Феодорпг, Тертулиан 1. de anima с. 35; Иустин
dial, contra Tryphon; Григорий Назианзин 1. Testim. contra
Judaeos; Августин 20 Civit 29, Ефрем tract, de Antichristo etc.

¹⁰⁵ - Апок. 11, 3–7.

¹⁰⁶ - Иероним, Августин 20 civit. 29; Григорий Наз. 11.

¹⁰⁷ - Златоуст hom. 58 in Math.

¹⁰⁸ - Рим. 11, 26.